

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА
БХАКТИ-ЙОГА
VIEDA

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА

БХАКТИ-ЙОГА

РИГА «ВИЕДА» 1991

86.39
В 411

Художественное оформление И. КРЕПИЦСА

В $\frac{0403000000}{М 817 (09)—91}$ 91

ISBN 5-85745-019-5

ОПРЕДЕЛЕНИЕ БХАКТИ

Бхакти-Йога — самое естественное и действительное искание Бога, начинающееся, продолжающееся и кончающееся в любви. Одно мгновение безумия пламенной любви к Богу приносит вечную свободу. «Бхакти,— говорит Нарада в своем объяснении ее афоризмов,— это напряженная любовь к Богу».—«Когда человек проникается ею, он любит все, всегда чувствует себя довольным и ни к чему не питает ненависти».—«Эта любовь не может сопровождаться мыслью о каких-либо земных выгодах», потому что, пока продолжаются земные желания, такого рода любви не бывает. «Бхакти выше Кармы, выше Йоги; последние имеют в виду цель, Бхакти же сама и средство и цель».

Бхакти была единственной постоянной темой обсуждения наших мудрецов; и не только специальные исследователи ее, каковы великие комментаторы Вьяса-сутр Шандилья и Нарада, но и те, кто исключительно посвятили себя изучению Джнаны (знания), были иногда вынуждены говорить о любви. Даже когда такие комментаторы старались почти все тексты сутр объяснять так, чтобы они доказывали преимущества чистого знания, им нелегко удавалось держаться этого направления, особенно при разборе главы о молитве. На самом деле различие между знанием (Джнана) и любовью (Бхакти) вовсе не так велико, как люди иногда воображают. Дальше мы увидим, что оба они направлены к одной цели и встречаются в конце концов в одной точке. К той же цели приходит и Раджа-Йога, когда применяется как средство освобождения, а не как орудие для обмана простодушных, что, к несчастью, часто случается, когда она попадает в руки шарлатанов или жадных к наживе оккультистов.

Огромное преимущество Бхакти заключается в том, что она представляет собою самый легкий путь к достижению высочайшей божественной цели — освобождения; главный же ее недостаток то, что в своих низших формах она часто вырождается в отвратительный фанатизм. Толпы фанатиков — будь то индусы, магометане или христиане — состоят всегда почти исключительно из привер-

женцев низших форм Бхакти. Слабые и неразвитые умы во всех религиях и странах любят свой собственный идеал только одним способом, именно ненавидя все другие идеалы, и их исключительная привязанность (ништха) к одному предмету, без которой не может развиться вообще истинная любовь, служит причиною объявления войны всему прочему. Вот почему человек, сильно привязанный к своему личному представлению о Боге и преданный своему религиозному идеалу, становится исступленным фанатиком, как только видит или слышит что-нибудь, касающееся чужого идеала. Этот род любви похож на инстинкт собаки, заставляющий ее охранять хозяйское добро; только инстинкт собаки надежнее человеческого рассудка: в каком бы костюме хозяин ни пришел, собака не примет его за врага; фанатик же лишен всякой способности отличать истину от заблуждения. Личные взгляды имеют для него такой всепоглощающий интерес, что ему важно только, кто говорит, а до того, что говорится, нет никакого дела. Вежливый, добрый и благородный с людьми, разделяющими его мнения, он не поколеблется обойтись самым недостойным образом с теми, кто не принадлежит к числу его единомышленников.

Такая опасность существует, однако, только в *подготовительной* Бхакти. Когда же Бхакти становится зрелой и переходит в высшую форму, то уже нечего бояться проявления низкого фанатизма; душа стала слишком близка к Богу любви, чтобы быть орудием распространения ненависти.

Как птица, чтобы летать, должна иметь два крыла и хвост для управления, так и человеку для приближения к Богу необходимы знание (Джнана) и любовь (Бхакти) и поддерживающая их равновесие Йога. Личность, в которой они гармонично слиты, представляет самый благородный тип; но далеко не каждому из нас дано в этой жизни обладать ими всеми, и тем, кто должен ограничиться одною Бхакти, следует помнить, что, хотя формы и обряды и безусловно необходимы для совершенствования души, они имеют лишь то значение, что поддерживают в нас настроение, при котором мы чувствуем наиболее напряженную любовь к Богу.

Учители знания и любви несколько расходятся в своих мнениях о Бхакти, но те и другие одинаково признают ее силу. Джнан считает Бхакти только орудием для освобождения, а бхакта видит в ней и орудие, и саму цель. В сущности, здесь нет большой разницы; когда Бхакти употребляется только как орудие, она представляет низшую форму богопочитания, служащую переходом к высшим формам, являющимся после ее полного осуществления, и потому не может быть отделяема от последней. Каждый придает значение только своему собственному способу поклонения Богу, забывая, что истинное знание связано с совершенною любовью даже тогда, когда о последней совсем не думают, и что они в действительности всегда неразлучны.

Помня это, познакомимся со взглядами на этот предмет великих комментаторов Веданты.

Бхагаван Шанкара говорит: «О человеке, который следует за Гуру, считая это своею единственною целью, люди говорят, что «он предан Гуру»*; говорят также, что «любящая жена думает о своем отсутствующем муже», подразумевая под словом *думает* (как и под словом *предан* в первом случае) род постоянного и упорного воспоминания**. Это, по мнению Шанкары, тоже поклонение.

Бхагаван Рамануджа в своих комментариях о Бхакти говорит***: «Созерцание есть постоянное памятование предмета созерцания, текущее подобно непрерывной струе масла, переливаемого из одного сосуда в другой. Когда этот род памятования (о Боге) достигнут, все оковы разбиты. Так говорится в Писаниях о постоянном памятовании как средстве к освобождению. Оно принадлежит к той же форме, как и видение, как видно из слов: «Когда видим Того, Кто далеко и близко, оковы сердца разбиты, все сомнения прекратились и исчезли все результаты труда». (Тот, кто близко, может быть видим, но того, кто далеко, можно только помнить; Писание, однако, говорит, что мы должны видеть того, кто далеко, так же хорошо, как и того, кто близко, ясно указывая тем на упомянутый выше род памятования, настолько же отчетливый, как и *видение*.) Достигая высшего напряжения, этот род памяти принимает ту же форму, как и видение. Молитва, как видно из самых основных текстов Писания, не что иное, как постоянное воспоминание; так же определяется и знание. Таким образом, память в той степени ясности, когда она становится непосредственным восприятием, рассматривается в Шрути как средство к освобождению. «Атман не может быть достигнут ни науками, ни рассуждениями, ни усердным изучением Вед. Атман достигается тем, кого желает Атман; тому Атман сам открывается». Здесь, после того как сказано, что простое слушанье, думанье и созерцание недостаточны для достижения Атмана, говорится: «Кого желает Атман, тем он достигается». Желателен бывает только чрезвычайно любимый; больше же всего Атман любит того, кто его очень любит. Такой любимый может достигнуть Атмана; ему помогает сам Бог: «Кто постоянно думает обо мне и молится мне с любовью, тех волю я направляю так, что они приходят ко мне». Здесь, таким образом, сказано, что только тот желателен Высочайшему Атману и приходит к Нему, кому это памятование, становящееся прямым восприятием, само по себе очень дорого, потому что оно дорого предмету такого восприятия. Это постоянное памятование и называется словом *Бхакти*.

В объяснении сутры Патанджали «Поклонением Всевышнему Господу»**** Бхойя говорит: «Принадхана — это тот род Бхакти, в

---

* «Веданта-сутры», IV — 1 — 1.

** «Веданта-сутры, Шанкара бхашья», IV — 1 — 1.

*** «Веданта-сутры, комментарии Рамануджи», I — 1 — 2.

**** «Патанджали-сутра», I — 23.

котором не преследуется никаких результатов, подобных чувственным наслаждениям и т. п., но все дела посвящаются Учителю учителей»*. Бхагаван Вьяса, объясняя то же, определяет пранидхану так же, как «форму Бхакти, посредством которой милость Всевышнего нисходит к йогу и благословляет его исполнением его желаний»**. По словам Шандильи, «Бхакти есть горячая любовь к Богу»***. Но самое лучшее определение Бхакти дано величайшим из бхакт, Прахладой: «Бессмертная любовь, с которою невежда относится к преходящим чувственным предметам и которую я испытываю, созерцая Тебя, не может исчезнуть из моего сердца»****. Любовь! К кому? К Всевышнему Господу Ишваре. Любовь к другим существам, как бы они ни были высоки, не может быть Бхакти, так как Рамануджа в своем Шри бхашья, цитируя древнего Ачарья (великий учитель), говорит: «Все, живущее в мире, от Брамы до травинки, рабы рождения и смерти, причина которых *карма.* Ничто подобное не может быть полезным предметом созерцания, так как все неразумно и изменчиво». Объясняя слово «ануракти», употребленное Шандильей вместо слова Бхакти, комментатор Швеннашвара говорит, что оно состоит из «ану»—«после» и «ракти»—«привязанность», т. е. означает привязанность, являющуюся следствием познания природы и величия Бога*****; иначе слепая привязанность к чему бы то ни было, вроде жены и детей, была бы тоже Бхакти.

Из сказанного ясно, что Бхакти есть ряд, или последовательность, умственных усилий к осуществлению религий, начинающихся с простой молитвы и оканчивающихся самою горячею любовью к Ишваре.

---

* «Патанджали-сутра, комментарии Бхойя», I — 23.

** «Патанджали-сутра, комментарии Вьясы», I — 23.

*** «Шандилья-сутра», I — 2.

**** «Вишну-пурана», 20 — 19.

***** «Шандилья-сутра, комментарии Швеннашвары», I — 2.

ФИЛОСОФИЯ ИШВАРЫ

Кто такой *Ишвара*? Ишвара тот, от кого исходит рождение, существование и конец Вселенной. Вечный, Чистый, Всегда Свободный, Всемогущий, Всеведущий, Всемилостивый, Учитель всех учителей; и прежде всего Он, Господь, по самой своей природе — невыразимая Любовь.

Это, конечно, определение личного Бога. Тогда, значит, есть два Бога, один — Существование-Знание-Блаженство философа и другой — Бог Любви бхакты? Нет, оба одно и то же; Существование-Знание-Блаженство также Бог Любви, безличный и личный в одном. Следует постоянно помнить, что личный Бог, которому поклоняется бхакта, не отдельный и не отличный от Брахмана. Все — Брахман, один без другого. Только Брахман, как единый или абсолютный, слишком абстрактен, чтобы Его можно было любить и славословить, и потому бхакта берет относительный аспект Брахмана, Ишвару — Высшего Правителя. Поясним это сравнением. Брахман — это глина или вещество, из которого сделаны бесконечно разнообразные предметы. Как глина, они все одно; но форма или проявление делает их различными. Прежде чем какой-нибудь из этих предметов был сделан, все они потенциально существовали в глине, следовательно, по составу тождественны; но, будучи сделаны, и пока сохраняют форму, они отдельны и различны; глиняная мышь никогда не станет глиняным слоном, потому что форма делает их тем, что они есть в проявлении, т. е. различными, хотя, как бесформенная глина, они все одно и то же. Ишвара — это самое высшее проявление абсолютной реальности или, другими словами, самое высшее, возможное для человеческого ума, представление абсолютного. Творчество вечно, и таков же Ишвара.

В четвертой паде* четвертой главы своих сутр Вьяса, сказав, что освобожденная душа после достижения *мокши*** приобретает почти бесконечную силу и знание, замечает в одном афоризме, что

* Пада — стих.
** Мокша — спасение души.

никто не достигает обладания силою создавать и разрушать Вселенную и управлять ею, так как сила эта принадлежит только Богу*. Эту сутру комментаторы-дуалисты истолковывают в том смысле, что для подначальной души, *дживы*, невозможно иметь когда-либо бесконечную силу и полную независимость Бога. Безусловный дуалист, комментатор Мадхвачарья, доказывает это своим обычным способом, цитируя стихи из Вараха-пураны.

Комментатор Рамануджа, объясняя этот афоризм, говорит: «Здесь представляется неясным, обладает ли освобожденная душа кроме других сил и этою, присущею Единому Всевышнему, силою создания Вселенной и управления всем, или блаженство освобожденной души состоит только в непосредственном восприятии Всевышнего, этой же силы у нее нет. Допустим, что освобожденный получает также и возможность управлять Вселенною. Такое допущение можно сделать на основании слов Писания: «Свободный от всякого пятна достигает совершенного тождества (с Всевышним)» (Мундака, III — 3), и «все его желания исполняются». Совершенное тождество и осуществление всех желаний не может быть достигнуто без обладания хотя бы одною силою Всевышнего, из чего легко прийти к заключению, что освобожденный получает также и силу управлять Вселенной. Но мы утверждаем, что освобожденный получает все силы, *кроме* этой? Управление Вселенною есть направление различных проявлений форм жизни и стремлений всех разумных и неразумных существ, находящихся во Вселенной; но это не принадлежит освобожденному, с которого сняты все покровы и который наслаждается блаженством беспрепятственного восприятия Брахмана. Это доказывается тем текстом книги, в котором говорится, что управление Вселенною есть свойство *только* одного Всевышнего Брахмана. «Спроси, кто Тот, Кем рождены все эти существа, Кем все рожденные живут и к Кому они обратно уходят?— Это Брахман». Если бы способность управлять Вселенною принадлежала также и освобожденному, то этот текст был бы неприменим, так как он определяет Брахмана именно свойством управления Вселенною. Для определения же употребляются только необщие свойства, как в следующих текстах Вед: «Возлюбленный сын! Вначале существовал только один без второго. Тот, кто, я видел и чувствовал, породил многое; Он вызвал колебания».— «Вначале существовал только один Брахман. Тот, один, развернулся и создал блаженную форму, Кшатра. Все боги: Варуна, Сома, Рудра, Парьянья, Яма, Мритью, Ишана — суть Кшатры».— «Атман существовал вначале один; ничто другое не вибрировало. Он видится и чувствуется как создающий миры. Миры он создал потом».—«Существовал один Нараяна, но ни Брахмы, ни Ишаны, ни Дьява-Притхиви, ни звезд, ни воды, ни огня, ни Сомы, ни Солнца не было. Но Его не удовлетворяло одиночество. По Его мысли яви-

* «Веданта-сутр», IV — 4 — 17.

лась дочь, или десять Его орудий.— Живущая на земле, но отличная от земли, живущая в Атмане»*, и т. д. В текстах, подобных приведенным, Шрути** говорит о Всевышнем как об управляющем Вселенною. Но ни в одном из приведенных описаний управления Вселенною не говорится о какой-либо роли, которая приписывалась бы освобожденной душе, так как управление Вселенною совсем не входит в область ее деятельности».

В объяснении следующей сутры Рамануджа говорит: «Если вы скажете, что это не так,— потому что есть прямые тексты в Ведах в доказательство противного,— то эти тексты относятся к славе освобожденной души в областях подчиненных божеств»***. Хотя система Рамануджи допускает единство всего, но в этом единстве существования, по его мнению, есть вечные различия. А так как в применении ко всем практическим целям эта система дуалистична, то для Рамануджи было нетрудно признавать ясное различие между личною душою и личным Богом.

Посмотрим теперь, что говорит по тому же предмету великий представитель школы Адвайта. Система Адвайты поддерживает все надежды и стремления старого дуалиста и в то же время предлагает свое собственное разрешение вопроса в согласии с высокою судьбою божественного человечества. Те, кто жаждет сохранить свой индивидуальный ум даже после освобождения и остаться отдельным от абсолютной реальности, будут иметь возможность осуществить свои вожделения и наслаждаться блаженством ограниченного Брахмана. Это те, о которых сказано в Бхагавата-пуране: «О король, славные свойства Господа таковы, что мудрецы, которых единственное наслаждение в «я» и с которых спали все оковы, даже они любят Всемогущего ради самой любви»****. В Санкхья о них говорится, что они «погружены» во время этого цикла в природу и, после достижения совершенства, могут перейти на следующий (цикл) властителями мировых систем; но никто из них не будет равен Богу (Ишваре). «Те, кто достиг состояния, при котором нет ни творчества, ни сотворенного, ни творца; ни знающего, ни познаваемого, ни знания; ни я, ни ты, ни он; ни субъекта, ни объекта, ни отношения между ними,— кто из них кем видим там?» Они перешли за пределы всего, куда не может идти ни слово, ни ум; ушли в то блаженное состояние, о котором Шрути говорят: «не то, не то». Но для тех, кто не может или не хочет достигнуть такого состояния, неизбежно остается триединый образ недифференцированного Брахмана, в виде *природы, души* и проникающего и поддерживающего их — Ишвары. Когда Прахлада, вследствие избытка преданности (к Богу), поднялся в высший план сознания и забыл о себе,

---

* «Веданта-сутры, комментарии Рамануджи», IV — 4 — 17.

** Шрути — священные тексты, предание.

*** «Веданта-сутры, комментарии Рамануджи», IV—4—18.

**** «Бхагавата-пурана», I — VII — 10.

он не видел ни природы, ни ее причины. Все для него было одним Бесконечным Существом, не обособленным ни именем, ни формою. Но, как только он спустился в область ума и вспомнил о себе как о Прахладе, перед ним опять явилась природа и с нею Бог Вселенной —«вместилище бесконечного числа святых свойств». То же было и со святыми Гопи. Охваченные горячим порывом любви к Шри Кришне, они утратили сознание своей индивидуальности и сами почувствовали себя Кришнами, а когда снова подумали о нем как о Едином, кому следует поклоняться, стали опять Гопи, и тотчас «перед ними явился воплощенный победитель (в красоте) Бога Любви, *Кришна,* с улыбкой на своем лотосообразном лице, одетый в желтые одежды и увенчанный цветами».

Вернемся, однако, к нашему Ачарья Шанкаре. «Ограничено ли или безгранично блаженство тех,— спрашивает он,— кто поклонением имеющему качества Брахману достиг единения с Всевышним Правителем, но сохранил свой индивидуальный ум?»— и продолжает: «По этому поводу рассуждаем так: их блаженство должно быть не ограничено, потому что текст Писания говорит: «Они достигли своего собственного царства; им поклоняются все боги; все их желания исполняются во всех мирах». Вьяса прибавляет при этом: *«Кроме силы управления Вселенною».* Итак, за исключением силы создания, сохранения и разрушения Вселенной, все другие силы, как одухотворения и проч., приобретаются освобожденными; что же касается управления Вселенной, то оно принадлежит только вечно совершенному Ишваре. Почему мы знаем это? Потому что об Ишваре говорится во всех текстах Писания, трактующих о создании, а освобожденная душа совсем не упоминается в них в связи с созданием. Всевышний Господь один управляет Вселенною. Относящиеся до создания тексты все указывают на Него, называя Его при этом вечно совершенным. А так как Писания говорят, что у других силы оживотворения и проч. являются вследствие искания Бога и поклонения Ему, то эти силы имеют начало и ограничены, откуда следует, что обладателям их нет места в управлении Вселенною. Кроме того, у сохраняющих индивидуальные умы воли могут различаться, и в то время как одна пожелает создавать, другая может желать разрушать. Единственное средство избежать столкновения таких различных желаний — сделать все воли подчиненными какой-нибудь одной. Из этого следует, что воли освобожденных зависят от воли Всевышнего Управителя»*.

Итак, Бхакти может быть направлена только к личному аспекту Брахмана, и осуществление ее не встречает никаких препятствий со стороны человеческой природы. «Путь же тех, чей ум устремлен к Абсолюту, труднее». Мы не можем иметь никакой идеи о неантропоморфном Брахмане, но не верно ли это и относительно всего, что

---

* «Веданта-сутры, комментарии Шанкары», IV — 4 — 17.

мы знаем? Величайший психолог, какого когда-либо знал мир, Бхагаван Капила, показал века тому назад, что человеческое сознание доставляет только один элемент для составления нашего восприятия и представления о всех предметах как внутреннего, так и внешнего мира. Начиная с наших собственных тел и до Ишвары, всякий предмет нашего восприятия составляется из сознания плюс чего-то еще, что выше сознания и отлично от него. Соединение обоих и есть то, что мы где бы то ни было видим и о чем думаем как о действительном. В этом состоит и всегда будет состоять вся действительность, какую может знать человеческий ум.

Поэтому чистая нелепость говорить, что Ишвара нереален, потому что неантропоморфен. Это похоже на спор об идеализме и реализме в западной философии, который в своем основании не больше как пустая игра слов. Идея об Ишваре заключает в себе все, что когда бы то ни было означалось словом *реальный* и подразумевалось под ним, и Ишвара так же реален, как все другое во Вселенной. Таково понятие индусской философии об Ишваре.

ДУХОВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ — ЦЕЛЬ БХАКТИ-ЙОГИ

Предыдущие сухие подробности нужны бхакте только для укрепления его воли. Помимо этого они не имеют для него никакой цели, так как он идет путем, который скоро приводит его за пределы смутной и тревожной области рассудка, в область прямого восприятия. Скоро, по милости Господа, он достигает сферы, где педантичный и бессильный разум остается далеко позади, и чисто рассудочное ощупывание в темноте уступает место прямому восприятию при дневном свете. Он больше не рассуждает и не верит, но видит; не доказывает себе, но чувствует. Не выше ли такое видение и чувствование Бога, чем всякие рассуждения и споры о Нем? Бхакте нет надобности доказывать, что это состояние выше, чем *мокша,*— и даже чем освобождение; и оно само в себе заключает самое полное удовлетворение.

Есть люди, и их много на свете, которые убеждены, что полезно и выгодно только то, что доставляет им земные удобства. Религия, Бог, Вечность, Душа — все это для них не имеет значения, потому что не дает денег и материального комфорта. Полезность для каждого обусловливается его желаниями. Поэтому для людей, которые никогда не поднимаются выше того, чтобы есть, пить, производить потомство и умирать, польза заключается только в чувственных наслаждениях; и они должны ждать и пройти через огромное число перевоплощений, прежде чем научатся чувствовать хотя бы малейшую потребность в чем-нибудь более высоком. Но те, для кого вечные интересы души гораздо важнее, чем временные интересы мирской жизни, для кого чувственные удовольствия не более чем бессмысленная детская забава,— для тех любовь к Богу составляет самое высшее и единственное благо человеческого существования. Благодарение Богу, такие люди еще живут в этом слишком суетном мире.

Бхакти-Йога, как мы уже говорили, разделяется на подготовительную и высшую, *гони* и *пара*. На подготовительной ступени нам необходима помощь многих конкретных представлений, чтобы мы могли сколько-нибудь подвигаться вперед,— и мифологические, и символические части всех религий представляют собою естествен-

ные вспомогательные средства, окружающие в самом начале жаждущую света душу и облегчающие ей возможность приближаться к Богу. Замечателен факт, что гиганты духа являлись только в тех религиях, где роскошно развилась богатая мифология и обрядность. Сухие фанатичные формы религии, стремящиеся устранить все поэтическое, прекрасное и величественное, все, что дает твердость детскому уму, колеблющимися шагами идущему по пути к Богу,— формы, которые пытаются повалить самые устои духовного здания и в своих невежественных и суеверных понятиях об истине стараются изгнать все, дающее жизнь, все, доставляющее созидательный материал для духовного роста человеческой души,— такие формы религии скоро приходят к тому, что от них остается только пустая скорлупа, бессодержательный набор слов или, пожалуй, софизмов, с небольшою примесью социального мусора, так называемого духа реформ. Огромная масса тех, чья религия похожа на только что упомянутые,— сознательные или бессознательные материалисты, стремления и цель которых как в этой, так и в будущей жизни — одно наслаждение. Вот почему деятельность, направленная на увеличение материального комфорта, для них альфа и омега, «все и вся» человеческого существования. Чем скорее последователи этой смеси невежества и фанатизма обнаружат себя в настоящем свете и присоединятся, как им подобает, к рядам атеистов и материалистов, тем лучше будет для мира. Одна унция прямодушия в духовном самоосуществлении перевешивает тонны пустых разговоров и бессмысленных изречений. Покажите нам одного, только одного, духовного гиганта, гения, выросшего из этой сухой пыли невежества и фанатизма. А если не можете, закройте ваши уста, откройте отдушины вашего сердца для яркого света истины и сядьте, как дети, у ног тех, кто знает, о чем говорит,— у ног мудрецов Индии! А затем слушайте.

НЕОБХОДИМОСТЬ В УЧИТЕЛЕ

Каждой душе предопределено быть совершенною, и каждое существо в конце концов достигнет совершенства. То, что мы теперь есть, результат наших прошлых действий и мыслей; и то, чем будем, будет результатом того, что мы думаем и делаем теперь. Но это вырабатывание своей судьбы не исключает для нас возможности получать помощь извне. Наоборот, в огромном большинстве случаев такая помощь, безусловно, необходима. Когда она приходит, высшие силы и способности души оживотворяются, пробуждается духовная жизнь, возбуждается ее рост, и человек становится наконец святым и совершенным. Оживотворяющий импульс не может быть извлечен из книг. Душа может получать побуждения только от другой души, и ниоткуда больше. Мы можем изучать книги целую жизнь, можем сделаться очень развитыми умственно; но в конце увидим, что совсем не развились духовно. Неправда, что высокое умственное развитие идет рука об руку с развитием духовной стороны в человеке. Изучая книги, мы иногда впадаем в заблуждение, думая, что этим помогаем себе духовно; но, рассмотрев ближе влияние изучения книг на нас самих, увидим, что из такого изучения если и извлечена польза, то только нашим умом, но не духом. Недостаточность книг для ускорения духовного роста и есть причина, почему,— хотя почти каждый из нас может *говорить* удивительно хорошо о духовных материях,— когда дело доходит до применения, до того, чтоб на самом деле жить настоящею духовною жизнью, мы оказываемся так ужасно несостоятельны. Чтобы оживотворить дух, побуждение *должно* исходить от другой души.

Лицо, из души которого исходит такое побуждение, называется *гуру* — учитель, а лицо, душе которого побуждение сообщается,— *шишья*, ученик, слушатель. Чтобы сообщить побуждение какой-нибудь душе, необходимо, во-первых, чтобы душа, от которой оно исходит, обладала силою передать, и, во-вторых, чтобы душа, которой оно передается, была способна воспринять его. Семя должно быть всхоже и поле вспахано; и, когда оба эти условия выполнены, получается удивительный рост настоящей религии. «Истинный учитель религии должен иметь исключительные способ-

ности, и его слушатель должен быть тоже способным», и ясное духовное пробуждение получится только тогда, когда они оба выше обыкновенного уровня. Только такие могут быть настоящими учителями и настоящими учениками, стремящимися к духовному развитию. Все остальные только забавляются. У них слегка пробудилось любопытство, слегка воспламенилось умственное желание, но они стоят только на внешнем краю религиозного горизонта. Без сомнения, и это уже шаг вперед, так как со временем он может закончиться пробуждением действительной жажды религии. Есть таинственный закон природы, в силу которого, когда поле готово, семя *должно* быть посеяно и действительно сеется, и когда душа серьезно желает стать религиозной, учитель религии *должен* явиться и действительно является, чтобы помочь этой душе. Когда жажда души воспринять свет религии велика и энергична, сила, отвечающая на притяжение и посылающая свет, является сама собою.

Но в этом, однако, есть и серьезная опасность. Получающая душа рискует, например, принять ошибочно свое временное возбуждение за действительное религиозное стремление. Часто мы можем это видеть на себе. Когда кто-нибудь из любимых нами людей умирает, мы испытываем удар,— чувствуем, что мир ускользает от нас, что мы нуждаемся в чем-то более верном и высшем и должны стать религиозными. Через несколько дней эта волна чувства уходит, а мы остались на берегу, как раз на том месте, где были раньше. Все мы принимаем такие побуждения за действительную жажду религии; но когда действительного стремления души к религии нет, то мы не находим и вдохновителя. Поэтому, когда нам кажется, что наша жажда истины остается неудовлетворенною, мы, вместо того чтобы жаловаться, должны заглянуть в свою душу и посмотреть, есть ли там действительно эта жажда.

Затем еще большую опасность представляют учители, выдающие себя за *гуру*. Есть много людей, погрязших в невежестве, но воображающих, что знают все. Они не ограничиваются этим, но хотят взять на свои плечи еще других, и таким образом получается, что слепой ведет слепого, и оба падают в ров.

«Глупцы, живущие в темноте, считающие себя мудрыми, хвастающие своим бесполезным знанием, ходят, шатаясь, взад и вперед, подобно слепым, которых ведут слепые»*. Мир полон таких людей; всякий нищий желает дарить миллионы, всякий невежда хочет быть учителем. Насколько смешны такие нищие, настолько же смешны и эти учители.

---

* «Мундака-упанишада», I — 2 — 8.

КАЧЕСТВА ЖЕЛАЮЩЕГО УЧИТЬСЯ И УЧИТЕЛЯ

Как же узнать настоящего учителя? Солнцу не нужно факела, чтобы быть видимым, и мы не нуждаемся в свече, чтобы видеть его. Когда солнце восходит, мы инстинктивно узнаем об этом, и так же, когда учитель приходит помочь нам, душа инстинктивно видит, что истина уже готова сиять над нею. Истина свидетельствует о себе сама — она не требует никаких других свидетельств для доказательства, что она истина, так как сама светит. Она проникает в самые внутренние уголки нашей природы, и в ее присутствии вся Вселенная поднимается и говорит: «Это верно». Учители, которых мудрость и истина сияют, как свет солнца,— лучшие, каких знал мир,— огромною частью человечества почитаются за богов. Но мы можем получить помощь и от сравнительно низшего класса их; и так как не обладаем достаточной интуицией, чтобы судить о достоинствах человека, от которого собираемся получить наставление и руководство, то нам необходимо знать условия, которым должен удовлетворять учитель, равно как и ученик. Условия, необходимые для ученика,— чистота, действительная жажда знания и настойчивость. Нечистая душа не может быть религиозною. Чистота в мыслях, речи и поступках безусловно необходима для всякого, чтобы быть религиозным. Что касается жажды знания, то есть старый закон, заключающийся в том, что все мы достигаем всего, чего желаем. Никто не может достигнуть ничего, кроме того, к чему стремится его сердце. Страстно желать религии совсем не так легко, как мы воображаем. Разговоры о религии и чтение религиозных книг еще не доказательства действительной потребности сердца. Необходимы постоянное стремление, постоянная борьба, неустанные схватки с нашею низшею природою до тех пор, пока не почувствуется действительно высшая потребность и не достигнется победа. Это дело не одного или двух дней или годов, даже не одной или двух жизней; борьба может потребоваться в течение сотен жизней. Иногда успех может явиться сразу; но мы должны быть готовы ждать его и в течение времени, которое может показаться бесконечным. Ученик, приступающий с таким родом настойчивости, наверное достигнет успеха.

Что касается учителя, то мы должны видеть, что он знает Писание. Весь мир читает Библию, Веды, Коран; но читает только слова, исследует грамматику, этимологию и филологию—сухие кости религии. Учитель, обращающий большое внимание на слова и позволяющий своему уму увлекаться ими, утрачивает дух учения. Только знание *духа* Писаний создает истинного учителя. Словесная сеть Писаний подобна огромному лесу, в котором человеческий ум часто теряется и не находит выхода. «Словесная сеть — это громадный лес, она бывает причиною удивительных блужданий ума»*.— «Различные способы соединения слов, разные методы чтения (произнесения) Писаний, так же как и споры ученых,— могут доставить большое удовольствие, но не ведут к развитию духовного совершенства»**.

Те, кто употребляет такие способы для сообщения религии другим, желают только высказать свое знание, чтобы свет хвалил их как ученых. Вы можете видеть, что ни один из великих учителей мира никогда не вдавался в объяснения разных текстов; у них не было даже попытки «мучиться над текстами», этой бесконечной возни со словами и их корнями. Они просто учили, тогда как другие, которым нечему учить, берут иногда одно слово и пишут трехтомную книгу о его происхождении, о человеке, употреблявшем его в первый раз, о том, что этот человек ел, как долго спал и т. п. Бхагаван Рамакришна имел обыкновение рассказывать, как несколько человек зашли в манговый сад и занялись счетом листьев, ветвей и сучьев деревьев, исследованием их цвета, сравнением размеров, самым тщательным записыванием всего и затем ученым обсуждением замеченного; все это их в высшей степени интересовало. Но один из них ни на что не обращал внимания, а просто принялся есть манговые плоды. Не был ли он умнее всех остальных? Предоставим же другим считать листья и ветки и записывать их. Для такого занятия есть свое место, но не здесь, не в духовной области. Вы никогда не увидите среди этих «счетчиков листьев» сильного духом человека. Религия — высшая цель, высшее счастье человека — не требует столько труда, как *считание листьев*. Если вы хотите быть бхактой, вам нет никакой надобности знать, родился ли Кришна в Матуре или Врайе, ни того, что он всю жизнь делал, ни точного времени, когда он проповедовал учение Гиты. Вам надо только *чувствовать* сильное желание получить прекрасные уроки Гиты о долге и любви. Все прочие подробности о ней и ее авторе могут служить только забавой для ученых. Оставим им то, что они желают, будем на их споры говорить: «шантих, шантих»*** — и есть плоды манго. Второе условие, необходимое для учителя,— праведность. Часто спрашивают:

---

* «Вивекачуд'амани», 62.
** Там же, 60.
*** Успокойтесь, успокойтесь.

2. Зак. 2895 С. Вивекананда

зачем нам обращать внимание на характер и личность учителя? Мы должны судить о том, что он говорит, и принимать только это в соображение. Это неверно. Если человек хочет меня учить физике, химии или другим естественным наукам, он может быть чем ему угодно, так как эти науки требуют только умственного багажа; но что касается духовного знания, то решительно невозможно, чтобы какой-нибудь духовный свет был в нечистой душе. Какой религии может научить нечистый человек? Необходимое условие для приобретения духовной истины для себя или для передачи ее другим — чистота сердца и души. Видение Бога, или даже слабый проблеск из высших сфер никогда не явятся, пока душа не чиста. Поэтому в духовном учителе вы должны смотреть прежде всего: *что он такое* — и уже затем: что он говорит. Он должен быть совершенно чист, и только тогда его слова приобретают ценность, так как только тогда он действительный «наставник». Что он может передать, если в нем самом нет духовной силы? В уме учителя должны быть сильные духовные вибрации, чтобы они могли по симпатии сообщиться уму учащегося. Задача учителя состоит в действительной передаче чего-нибудь, а не в простом возбуждении существующих уже в ученике интеллектуальных или других способностей. Нечто действительное и ценное исходит в виде влияния от учителя и переходит к ученику. Потому учитель должен быть чист. Затем учитель должен учить исключительно вследствие любви, чистой любви к человечеству, а не из-за каких-либо посторонних побуждений, вроде денег, известности, славы. Единственный посредник, через которого может быть передана духовная сила,— любовь. Всякое корыстное побуждение, подобное желанию выгоды или известности, разрушает этот посредник передачи. Бог есть любовь, и только тот, кто познал Бога как любовь, может быть учителем человека о божественном и Боге.

Когда вы видите, что ваш учитель совмещает эти условия, вы обеспечены; но если нет, неблагоразумно позволить себе учиться у него, так как при этом вам может грозить опасность, что, не будучи в состоянии сообщить вашему сердцу ничего хорошего, он может передать дурное. «Кто сведущ, безгрешен и не развращен вожделениями, тот в совершенстве познал Брахмана»*.

Из сказанного естественно следует, что мы не можем где угодно и от кого угодно научиться любви, получить и усвоить религию. «Поучение — в камнях, книги — в бегущих потоках и добро — во всем» **. Это прекрасная поэтическая фраза; но ни один человек не может передать другому ни единой крупицы истины, если он не вырастил семена ее в себе самом. Кому камни и потоки проповедуют поучения? Человеческой душе, лотосу, внутренний святой алтарь которого уже чувствует движение жизни. И свет, который заставляет этот лотос раскрыться, всегда приходит от доброго и мудрого

* «Вивекачуд'амани», 34.
** «Как вам это нравится» (Шекспир, действ. II, сцена I).

учителя. Когда сердце открылось таким образом, оно становится способным получать поучения от камней и потоков, от звезд, солнца, луны и от всего, что существует в этой божественной Вселенной; но нераскрытое сердце не увидит в них ничего, кроме простых камней и простых ручьев. Слепой может пойти в музей, но не извлечет из своего посещения никакой пользы; сначала надо, чтоб открылись его глаза, и только тогда он будет в состоянии узнать то, чему могут научить находящиеся в музее предметы.

Глаза жаждущего религии открывает *учитель.* С учителем поэтому наша связь такая же, как между отцом и сыном. Без доверия, смирения, покорности и благоговения в сердце к нашему духовному учителю, мы не достигнем никакого религиозного успеха; и замечательно, что там, где существует такое отношение между учителем и учеником, только там родятся гиганты духа; в тех же странах, в которых пренебрегают поддерживать этот род отношений, учители религии становятся простыми чтецами лекций,— учители ожидают свои пять долларов, а ученики ждут, чтобы их мозг был наполнен словами учителя, а затем оба расходятся, каждый своею дорогой. При таких условиях духовная связь становится почти неизвестною величиною; нет никого, чтобы передавать, и никого, кому передавать. Религия у таких людей становится торговою сделкою; они думают, что могут купить ее за свои доллары. Если бы Богу угодно было, чтобы религия доставалась так легко! К несчастью, это невозможно.

Религия, представляющая собою самую вершину знания, не может быть куплена и не может быть приобретена из книг. Вы можете заглянуть во все уголки мира, можете исследовать Гималаи, Альпы и Кавказ, ощупать зондом дно моря и проникнуть во все закоулки Тибета и пустыни Гоби, но нигде не найдете ее до тех пор, пока ваше сердце не будет способно воспринять ее и пока не явится учитель. А когда этот божественно назначенный учитель придет, отнеситесь к нему с детскою доверчивостью и скромностью, откройте настежь ваше сердце его влиянию и смотрите на него как на воплощенного Бога. Тем, кто приступает к исканию истины в таком духе любви и благоговения, Бог Истины открывает самые удивительные вещи относительно истины, благости и красоты.

ВОПЛОЩЕННЫЕ УЧИТЕЛИ И ВОПЛОЩЕНИЕ

«Где бы ни было произнесено имя Божие,— то место свято». Насколько же больше свят человек, произносящий Его имя, и с каким благоговением мы должны приближаться к тому, кем передается нам духовный свет! Таких учителей духовной истины, без сомнения, очень мало в этом мире; но мир никогда не остается совершенно без них. В момент, когда мир абсолютно лишился бы их, он стал бы отвратительным адом и устремился бы к разрушению. Они всегда — самый прекрасный цвет человеческой жизни, «океан милосердия без какого бы то ни было побуждения»*.

«Знай, что я Гуру всех»**,— сказал Кришна в «Бхагавате». Выше и благороднее всех обыкновенных учителей мира особый класс их — *Аватары**** *Ишвары*. Они могут передать духовность одним прикосновением, даже одним желанием. Самые низкие и самые развращенные люди становятся по их велению в одну секунду святыми. Они Учители всех учителей, самые высшие проявления Бога в человеке. Мы не можем видеть Бога иначе как в них; не можем не поклоняться им, и только им и должны поклоняться.

Ни один человек не может видеть Бога иначе как в этих человеческих проявлениях. Если бы мы пытались видеть Бога иначе, мы создали бы для себя только страшную карикатуру Его и верили бы, что карикатура не хуже оригинала. Есть рассказ о глупце, которого попросили нарисовать бога Шиву и который, после нескольких дней усердных стараний, нарисовал только фигуру обезьяны. Таким образом, когда бы мы ни пытались думать о Боге, как Он есть, в Его абсолютном совершенстве, мы неизбежно потерпим самую полную неудачу; потому что мы люди и не можем представить Его как нечто высшее, чем человек. Настанет время, когда мы станем выше нашей человеческой природы и познаем Его как Он есть; но, пока мы люди, мы должны поклоняться Ему в человеке и как человеку. Толкуйте

---

* «Вивекачуд'амани», 35.

** «Бхагавата», XI — 17 — 26.

*** Воплощения.

сколько хотите, думайте сколько можете, но вы не в состоянии думать о Боге иначе как о человеке. Вы можете составить огромное и очень умное рассуждение о Боге, можете сделаться великим рационалистом и доказать для собственного удовольствия, что все рассказы об *Аватарах*, или Воплощениях Бога в человеке, чистый вздор,— но обратимся на минуту к практическому здравому смыслу и исследуем его. Что мы находим за этими разумными рассуждениями — есть ли там сколько-нибудь действительного содержания? Решительного ничего, кроме пустых слов,— чистый нуль. Поэтому, когда вы услышите человека, предлагающего умную лекцию против поклонения *Аватарам* (Воплощениям Бога), остановите его и спросите, в чем же состоит *его* идея о Боге, что он знает о «всемогуществе», «вездесущии» и всех подобных терминах, помимо произнесения этих слов. Он в действительности ничего под ними не подразумевает; не может составить об их значении накакого понятия, которое бы не вытекало из его собственной человеческой природы; он в этом не больше понимает, чем любой человек с улицы, не прочитавший ни одной книги. Человек с улицы, однако ж, спокоен и не нарушает покоя других, тогда как этот ужасный болтун создает беспокойство и несчастье для человечества. Религия — прежде всего познание действительности, и мы можем провести резкое различие между болтовней и интуитивным опытом. То, что мы испытываем в глубине нашей души, есть познание действительности. Относительно этого предмета ничто так редко не встречается, как здравый смысл!

Мы ограничены настоящим строением нашего существа и должны смотреть на Бога как на человека. Если бы, например, буйволы захотели молиться Богу, они, соответственно своей природе, смотрели бы на Него как на огромного буйвола; если б рыба хотела поклоняться Богу, она должна была бы составить о Нем понятие как о громадной рыбе. А человек должен думать о Нем как о человеке. И эти разные понятия происходят не вследствие болезненной деятельности воображения. Человека, буйвола и рыбу — всех их можно представить себе как разные сосуды различной формы и качества. Все эти сосуды идут к Божию морю, чтобы быть наполненными водою. В человеке вода принимает форму человека, в буйволе — форму буйвола, а в рыбе — форму рыбы. Каждый из этих сосудов, хотя и содержит ту же воду того же самого Божия моря, кажется имеющим свою собственную форму и свои свойства; и, таким образом, когда человек видит Бога, он видит Его как человека, а животные, если только они имеют какое-либо представление о Боге, должны видеть Его, сообразно со своими умственными устройством и свойствами, как животное. Поэтому мы не можем не смотреть на Бога как на человека и должны молиться Ему — как человеку. Другого способа нет.

Не поклоняются Богу как человеку два рода людей: человек-зверь, не имеющий никакой религии, и освобожденная душа, *Парамахамса,* поднявшаяся выше человеческих слабостей и перешедшая за тесные пределы своей природы. Для нее вся природа стала

ее собственным «я». Только она может поклоняться Богу, какой Он есть. Здесь опять, как и всегда, крайности встречаются. Крайность невежества и крайность знания — обе не молятся. Человек-зверь не молится по своему невежеству, а свободная душа (*Дживанмукта*) потому, что она познала Бога в самой себе. Если кто-нибудь, занимающий положение между этими двумя полюсами существования, скажет вам, что он не намерен молиться Богу как человеку, пожалейте его — он, чтобы не употребить более резкого выражения, невменяемый болтун; его религия годится только для больных и пустых мозгов. Бог знает человеческую немощь и, чтобы сделать добро человечеству, становится человеком. «Где добродетель ослабевает, а зло усиливается, Я проявляю Себя. Чтобы укрепить добродетель, уничтожить зло, спасти добро, Я прихожу каждый век»*.— «Глупцы смеются надо Мною, принявшим человеческую форму, не зная истинной природы Властителя Вселенной»**. Таково заявление в Гите Шри Кришны, после его воплощения. «Когда подходит погромная волна прилива,— говорит Бхагаван Шри Рамакришна,— все маленькие ямы и рвы наполняются до краев без всякого усилия или сознания с их стороны; так же, когда приходит воплощение (Бога), волна духовной силы врывается в мир, и люди чувствуют ее в самой атмосфере».

---

* «Бхагавадгита», IV—7—8.
** Там же, IX—11.

МАНТРА ОМ: СЛОВО И МУДРОСТЬ

Теперь мы рассмотрим не *Магапуруши,* или великие воплощения Бога, а только *сиддха гуру*, учителей, достигших цели. Они, как общее правило, должны передавать ученику зародыши духовной мудрости посредством слов (мантр), о которых следует поразмыслить. Что такое эти *мантры*? Согласно индийской философии, условий проявления всей нашей Вселенной два — имя и форма. В человеческом микрокосме не может быть ни одной волны умственной материи, не одаренной именем и формою. Если верно, что вся природа построена по одному и тому же плану, то это условие имени и формы должно быть также и в плане устройства всего космоса. «Когда мы вполне ознакомились с одною глыбою глины, то нам известна и вся глина»*, так и знание микрокосма должно вести за собою знание макрокосма. *Форма* есть наружная кора, внутренняя сущность, или ядро, которой есть *имя*, или идея. В микрокосме тело есть форма, а мысль, или *антахкарана,— имя*; и звуковые символы всегда связаны с этим именем у всех существ, имеющих способность речи. Другими словами, в индивидуальном человеке мысленные волны, поднимающиеся в ограниченном *махате* (умственной материи), должны проявляться сначала как слова или мысли, а потом в более конкретных формах: речи и действии.

Во Вселенной также *Брахма*, или *Хираньягарбха* (космический *махат,* или мировой ум), прежде проявляется как *имя* и затем как *форма*, или внешняя природа. Вся проявленная чувственная природа есть *форма*, за которою стоит вечный невыразимый *спхота*, или *проявитель*, как Логос, или Слово. Этот вечный спхота, основной вечный материал всех идей, или *имен*, есть сила, посредством которой Бог творил Вселенную. Бог сначала принял состояние спхота и тогда развернулся как еще более конкретная разумная Вселенная. Единственно возможный символ этого спхота есть слово, и это слово есть *Ом.* А так как нет никаких способов анализа, которыми мы могли бы отделить звуковой символ от выражаемого им понятия, то

---

* «Чхандогья-упанишада», VI — 1.

этот Ом и вечный спхота нераздельны. Поэтому следует думать, что вся Вселенная сотворена этим самым святым из всех святых слов, матерью всех *имен* и *форм*, вечным Ом. Но можно сказать, что хотя идеи и звуковые символы неразделимы, но могут быть для одной и той же идеи разные звуковые символы, и потому нет необходимости, чтоб именно это слово Ом было звуковым представителем мысли, которою Вселенная проявлена. На это возражение мы ответим, что Ом — единственно возможный символ, обнимающий всю область всех возможных идей, и нет другого, ему подобного. Спхота есть сущность всех идей, а не какая-либо определенная идея во вполне выраженном состоянии. То есть если устранить все частности, которые отличают одну идею от другой, тогда то, что останется, и будет спхота. Но так как каждый звуковой символ, назначенный для выражения невыразимого спхота, придает ему более частное значение, так что он не будет больше спхота, то тот символ, который меньше всего лишает его общего значения и в то же время наиболее близко выражает его природу, и будет самым верным его символом, а это и есть Ом, и только Ом. Три буквы А, У, М, произнесенные вместе как Ом, могут вполне быть обращенным символом всех возможных звуков. Посмотрим, как это может быть. Буква А из всех букв наименее раздельная, поэтому Кришна говорит в Гите: «Я из букв — А»*. Затем все členoраздельные звуки протекают в полости рта, начинаясь от корня языка и кончаясь в губах. Гортанный звук есть А, М — последний губной звук, а усилие, употребляемое для производства звука У, точно представляет прохождение вперед импульса, начинающегося у корня языка и кончающегося в губах. Таким образом, правильно произнесенное слово Ом (АОУМ) представит все явление производства звука, и никакое другое слово не может сделать это. Оно потому есть самый подходящий символ для представления спхота, и идея, выражаемая словом *спхота*, есть действительное значение слова Ом. А так как символ никогда не может быть отделен от обозначенной им вещи, то Ом и спхота — одно. Поэтому спхота называется *Нада-Брахма*, или Звук-Брахман. А так как спхота, будучи более тонкой стороной проявленной Вселенной, ближе к Богу и есть первое проявление Божественной Мудрости, то Ом и есть истинный символ Бога. Затем, так как лишь один *Брахман, Акханда-Саччидананда — Неразделимое Существование — Знание — Блаженство* — может быть понимаем несовершенною душою человека только с личной и ограниченной точки зрения и всегда будет соединяем с какими-либо особенными свойствами, то Вселенная в целом, тело Божие, будет мыслима ею совершенно таким же образом. Но личный взгляд на Бога и Вселенную каждого отдельного ума молящегося будет всегда определяться преобладающими его элементами, или *татласом*; и в результате получится, что на того же самого Бога различные молящиеся

---

* «Бхагавадгита», X — 33.

будут смотреть как на обладателя, в разных Его проявлениях, различных и нередко противоположных свойств; и та же самая природа будет казаться им полною многочисленных и несвязных форм. Как в случае наименее дифференцированного и наиболее общего символа, Ом, мы видели, что идея и звуковой символ нераздельно связаны друг с другом, совершенно так же закон нераздельной связи идеи со звуковыми символами применим и ко многим дифференцированным взглядам на Бога и Вселенную, и каждый из таких взглядов будет, и должен, иметь особый звуковой символ для своего выражения. Эти слова — символы, извлеченные из глубочайших духовных восприятий мудрецов, символизируют и выражают возможно близко защищаемые или личные взгляды на Бога и Вселенную. И как Ом представляет *Акханду*, или недифференцированного Брахмана, так другие звуковые символы представляют дифференцированные взгляды на то же самое Существо. И все они полезны для божественного размышления и приобретения истинного знания молящимися, имеющими разные взгляды на Бога и Вселенную.

ПОКЛОНЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯМ И ИЗОБРАЖЕНИЯМ

Следующим предметом нашего обсуждения будет поклонение *пратикам,* или предметам, служащим более или менее удовлетворительными заместителями Бога, и поклонение *пратимам,* или изображениям. Что такое поклонение Богу через пратику? Это «молитвенное направление ума к тому, что принимается за Брахмана, но не Брахман». Бхагаван Рамануджа говорит: «Поклонение уму как Брахману — это поклонение внутреннее; а поклонение Акаше как Брахману — наружное». Ум есть внутренняя пратика, а материя — наружная; но обе могут служить предметом поклонения, как заместители Бога. Так же Шанкара говорит: «Солнце есть Брахман, это закон».— «Тот, кто почитает имя как Брахмана...» Все такие изречения указывают на поклонение пратикам. Слово *пратика* значит *движение к,* и поклонение пратике значит поклонение какому-нибудь предмету как заместителю, в том или другом отношении, Брахмана, но не самому Брахману. Кроме упоминаемых в Шрути пратик, есть разные другие, которые можно найти в *Пуранах* и *Тантрах.* К «Поклонению пратикам» можно отнести также все формы поклонения предкам (питри), ангелам и дэвам (светлым или лучезарным существам).

Поклонение Ишваре, и только Ему, есть Бхакти; поклонение же какому-нибудь другому, как дэвам, питри или иному высшему существу, не может быть названо Бхакти. Разные роды поклонения дэвам — все должны быть отнесены к обрядной карме, дающей поклоняющемуся только частный результат, в форме какого-нибудь небесного наслаждения; но они не возвышают его до Бхакти, или высшей преданности Богу, и не ведут к *мукти*, освобождению от всех оков. Поэтому надо особенно помнить одно. Если, как бывает в некоторых случаях, самый высший философский идеал о высочайшем Брахмане низводится до уровня пратики, или заместителя, и сама пратика принимается поклоняющимся за свое самое внутреннее «я», за центрального управителя всего (Антарьямин), то поклоняющийся впадает в крайнее заблуждение, так как никакая пратика не может быть для поклоняющегося Атманом.

Но где предметом поклонения является Сам Брахман, а пратика служит только заместителем Его или напоминанием о Нем,

т. е. где вездесущий Брахман славословится через пратику, а пратика представляется причиною Вселенной лишь как средство для достижения Брахмана, там поклонение пратикам приносит действительную пользу; больше того, оно безусловно необходимо для человечества, пока оно не прошло первоначального, или подготовительного, состояния ума относительно богопочитания. Таким образом, когда каким-нибудь богам или другим существам поклоняются как им самим, то это поклонение есть только обрядная карма и, как видья (знание), дает лишь плод, принадлежащий к частной видья; но когда в дэвах или других существах видят Брахмана и так им и поклоняются, получается результат тот же, что от поклонения Ишваре, верховному Правителю. Этим объясняется то, что во многих случаях, как в Шрути, так и в Смрити, берется какой-нибудь бог или другое высшее существо, его личной природе придаются постепенно все более и более высокие свойства и, идеализировав его наконец до высшей степени, молятся ему как Брахману. Объясняя это, адвайтин говорит: «Разве не Брахман все, когда от него отнять имя и форму?». Вишиштадвайтин говорит: «Разве самое внутреннее «я» всего — не Он, не Господь?». Шанкара говорит: «Сам Брахман одаряет милостью даже поклонение Адитья и т. п., потому что Он — Правитель всего». Здесь, таким образом, Брахман становится предметом поклонений, потому что он подразумевается под пратикой, совершенно так, как Вишну и другие боги подразумеваются под изображениями их*.

Те же идеи, которые связываются с поклонением пратикам, применяются и к поклонению пратимам, или изображениям, т. е., если изображение заменяет только какого-нибудь бога или святыню, поклонение ему не дает в результате Бхакти и не ведет к освобождению; но, если оно заменяет единого Бога, поклонение ему приносит как Бхакти, так и мукти. Из главных мировых религий ведантизм, буддизм и некоторые формы христианства широко пользуются изображениями, чтобы помогать молящемуся, и только две религии — магометанство и протестантизм — отвергают такую помощь. Но магометане все-таки пользуются могилами своих святых и мучеников почти как изображениями. Протестантизм же, отвергая всякую конкретную помощь религии, с каждым годом все больше и больше отдалялся от духовности, и в настоящее время едва ли есть какая-либо разница между передовыми протестантами и последователями Огюста Конта или агностиками, проповедующими только нравственность. Но и в христианстве, и магометанстве все, что представляет собою поклонение самим изображениям, без мысли о том, что они изображают, должно быть отнесено к той категории, к которой пратикам и пратимам поклоняются как таковым, а не пользуются лишь «помощью к видению»

* «Веданта-сутры, Шанкара бхашья».

Бога. Поэтому такое поклонение, в лучшем случае, имеет характер обрядной кармы и не может привести ни к Бхакти, ни к мукти. В этой форме почитания изображений преданность души относится не к Ишваре, а к другим вещам, и потому такое пользование изображениями или могилами, храмами или гробницами есть чистое идолопоклонство. Но все же и оно само по себе не грешно и не вредно; оно — обряд, *карма*, и молящиеся должны извлекать и действительно извлекают из него пользу.

ИЗБРАННЫЙ ИДЕАЛ

Следующее, что мы должны рассмотреть,— это то, что мы называем Ишта Ништха, или поклонение избранному идеалу. Тот, кто может быть бхактой, или посвященным, должен знать, что в поклонении Богу —«сколько мнений, столько способов»*. Он должен знать, что все секты различных религий суть различные проявления славы одного и того же Бога. «Тебя называют таким множеством имен; Тебя как бы делят между собою; но в каждом из этих имен слышится Твое всемогущество, и Ты приходишь к молящемуся, каким бы именем он Тебя ни призывал! Нет никакого особого указания, что Твое имя следует призывать все время, когда душа чувствует сильную любовь к Тебе. Ты так легкодоступен! О Господи, какое несчастье, что я не могу любить Тебя!»** Бхакта должен стараться не только не ненавидеть, но даже не критиковать тех лучезарных сынов света, которые были основателями разных сект. Он не должен даже слушать, когда о них дурно говорят.

Очень ведь мало таких, которые в одно и то же время обладают сильной симпатией и способностью понимания настолько же, насколько и напряженною любовью. Мы видим, как общее правило, что либеральные и проповедующие сочувствие к людям секты теряют силу религиозного чувства, и в их руках религия способна выродиться в род жизни политико-социального клуба. С другой стороны, крайне узкие сектанты, обнаруживая очень похвальную любовь к своим собственным идеалам, каждую частицу этой любви, по-видимому, приобретают ненавистью ко всем, кто не вполне того же мнения, как они. Дай Бог, чтоб этот мир был полон людьми, сильными в любви и широкими, как мир, в симпатии. Но таких очень мало. И все же мы знаем, что возможно воспитать огромное число человеческих существ в идеале удивительного соединения широты и силы любви, и способ для этого Ишта Ништха, или преданность «избранному идеалу». Всякая секта всякой религии пред-

---

* Изречение Шри Кришны.
** Шри Кришна Чайтанья.

лагает человечеству только один идеал, свой собственный; но вечная ведантская религия открывает бесконечное число дверей для входа во внутренний алтарь Божественности и предлагает человечеству почти неистощимый перечень идеалов, из которых проявляется Вечный Единый. С благосклонною заботливостью Веданта указывает жаждущим множество путей, высеченных в прежнее и в настоящее время в твердой скале действительности человеческой жизни славными сынами, или человеческими проявлениями Бога, и с распростертыми объятиями приглашает всех — даже еще не родившихся — в Обитель Истины и тот Океан Блаженства, в который человеческая душа, освобожденная от сети Майи, может перенестить совершенно свободною и вечно блаженною.

Бхакти-Йога поэтому налагает на нас повелительный долг не ненавидеть и не отрицать ни один из различных путей, ведущих к спасению. Нежное растение духовности умрет, если его слишком рано подвергать постоянным переменам идей и идеалов. Многие люди во имя того, что может быть названо религиозным либерализмом, удовлетворяют свое любопытство постоянною сменою различных идеалов. У них слушание новых вещей вырастает в род болезни, род религиозного пьянства. Им нужно слышать новые вещи только для того, чтобы испытать временное нервное возбуждение, а когда такое возбуждающее влияние произвело на них свое действие, они уже готовы для другого увлечения. Религия для таких людей своего рода умственное курение опиума. На этом она и кончается. Но есть другой сорт людей, говорит Бхагаван Рамакришна, которые похожи на жемчужницу сказки. Жемчужница живет на дне моря и поднимается на поверхность, чтобы схватить дождевую воду, когда восходит звезда Свати. Она плавает на поверхности моря, широко раскрыв свою раковину, пока ей не удастся схватить каплю дождя, а затем погружается вниз со своего морского ложа и там остается, пока не выработает из той капли великолепную жемчужину. Это самое поэтичное и сильное изложение теории Ишта Ништха, какое когда-либо было сделано. Эта *Эка Ништха*, или поклонение одному идеалу, безусловно необходима для начинающего упражняться в религиозном благочестии. Он должен говорить вместе с Хануманом в «Рамаяне»: «Хотя я знаю, что Бог Шри и Бог Янаки — оба проявления одного и того же Верховного Существа и, следовательно, одно и то же, а все-таки лотосоокий Рама для меня выше всех». Или он должен говорить, как было сказано в другом месте мудрецом Тулсидасом: «Бери приятное от всех, беседуй со всеми, называй имена всех и говори каждому: да, да; но держись твердо своего идеала». И тогда, если ты искренно жаждешь религиозного просвещения, из твоего маленького семени вырастет гигантское дерево, подобно индийскому баньяну, и будет посылать во все страны ветви за ветвями и корни за корнями, пока не покроет всего поля религии. Таким образом, истинно набожный увидит, что тот, Кто был его собственным идеалом в жизни, почитается во всех идеалах всех сект, под всякими именами и всевозможными формами.

МЕТОД И СРЕДСТВА

Относительно метода и средств Бхакти-Йоги мы читаем в комментарии Бхагавана Рамануджи к Веданта-сутрам: «Достижение Того (Брахмана) является чрез распознавание, управление страстями, упражнение, жертвенный труд, чистоту, силу и подавление чрезмерной радости». Вивека, или распознавание, согласно Раманудже, есть различение, кроме других вещей, также чистой пищи и нечистоты, как грязь, шерсть и т. п. Шрути говорят: «Чистою пищею нам: 1) вследствие самой природы пищи, как чеснок и др., 2) оттого, что получается от злых и проклятых людей и 3) от физической нечистоты, как грязь, шерсть и т. п. Шрути говорят: «Чистою пищею очищается саттва, и оттого память становится твердою»*. Рамануджа цитирует его из *Чхандогья-упанишады.*

Вопрос о пище всегда живо интересовал бхакт, или набожных. Несмотря на преувеличения, в которые впадали некоторые секты бхакт, в основании их взглядов много верного. Мы должны помнить, что, согласно философии Санкхья, *саттва, раджас и тамас,* которые, действуя в одном направлении, образуют пракрити, а действуя в противоположных направлениях, нарушают состояние формы Вселенной, представляют собою как вещество, так и качество пракрити, или созидающего принципа. Как таковые, они составляют материал, из которого вырабатывается всякая человеческая форма, и для духовного развития безусловно необходимо преобладание саттвы. Материалы, входящие в наше тело в виде пищи, играют огромную роль в определении нашего умственного строения, и потому на пищу, которую мы едим, следует обращать особенно заботливое внимание. Однако в этом, как и в других отношениях, преувеличение, в которое постоянно впадают ученики, не ведет к достижению ими положения учителя. Разборчивость в пище имеет второстепенную важность.

Приведенные выше тексты объясняются Шанкарою в его *бхашье* об Упанишаде иначе; он — слову *ахара*, переводимому обыкновенно словом *пища*, дает совершенно другое значение. По его мнению,

---

* «Чхандогья-упанишада», VII — 21.

ахара есть то, что принимается внутрь. Знание, получаемое посредством разных ощущений, как свет, звук и проч., собирается в уме для пользования *пользующимся* («я»). Очищение знания, накопленного таким образом, путем чувственных ощущений, есть очищение *пищи (ахары)*. *Очищение пищи* поэтому значит приобретение познания обо всех вещах мира, не испорченного привязанностью, отвращением или заблуждением. Откуда следует, что если знание, или ахара, очищена, саттва — материя ума, или *антахварана,*— внутренний орган, в котором накоплено это знание, очищается; а раз саттва очищена, в результате получается непрерывная память о полученном из Писаний познании истинной природы бесконечного Единого.

Объяснения слова *ахара*, данные Шанкарой и Рамануджей, по-видимому, противоречат одно другому, но на самом деле оба верны и необходимы. Пользование и управление тем, что называется тонким телом*, суть функции, без сомнения, высшие, чем управление грубым физическим телом. Но управление грубым безусловно необходимо, чтобы сделаться способным достичь управления более тонким. Начинающий поэтому должен обращать особенное внимание на все такие правила диеты, которые исходят из учения признанных учителей Бхакти. Но встречающийся у многих наших сект нелепый фанатизм, совсем обративший религию в кухню и не оставляющий никакой надежды, чтобы благородная истина когда-либо выбилась у них на свет, представляет собою особый сорт чистого материализма. Это не Джнана, не Бхакти и не Карма. Это особый род сумасшествия; и те, кто прилепляется к нему душою, скорее попадут в дом умалишенных, чем в Брахма-локу, или самую высшую сферу. Тем не менее надо признать, что разборчивость в пище необходима для достижения высшего умственного состояния, которое иначе трудно достигается.

Управление страстями — следующая вещь, которую надо выработать. Сдерживание Индрий (органов) от их стремления к чувственным предметам, управление ими и приведение их к подчинению воле — самые главные добродетели в религиозном воспитании.

Затем идет управление в самообуздании и самоотречении. Все бесконечные возможности души достигнуть непосредственного восприятия Бога не могут быть осуществлены без борьбы и упражнения этих способностей. Следует постоянно думать о Боге. Сначала очень трудно приучить к этому наш ум, но с каждым новым усилием его способность в этом отношении становится все сильнее и сильнее. Шри Кришна говорит в Гите: «Упражнением и непривязанностью, о сын Кунти, достигается управление умов»**.

---

* Тонкое тело, или Сукшашарира, образуется в человеке пятью органами чувств плюс пять органов действия, плюс манас и Буддхи. Оно не разрушается смертью, но перевоплощается со всем прошлым опытом, пока душа не достигнет совершенства, или мукти.

** «Бхагавадгита», VI — 35.

Поэтому человек набожный должен вырабатывать в себе эти способности, самые существенные для достижения высшего Богопочитания, и не исполнять предписываемых некоторыми Писаниями ритуальных жертвоприношений, единственная цель которых состоит в получении чувственных удовольствий в этом или в будущем мире и которые ведут к все большему и большему рабству и все дальше и дальше от Бога. Есть только пять великих жертвоприношений. Основная скала, фундамент, на котором покоится все *здание Бхакти*, есть чистота. Очищение внешнего тела и разборчивость в пище легки; но без внутреннего очищения и внутренней чистоты вся эта внешняя заботливость решительно не имеет никакой цены. В списке качеств, ведущих к чистоте, данных Рамануджей, перечислены *сатья,* правдивость; *арджава,* искренность; *дайя,* делание добра другим, не ожидая для себя никакой пользы; *ахимса*, непричинение вреда другим мыслью, словом или делом, и *анабхидья* — нежелание чужого добра, неимение тщетных мыслей и забвение обид.

Одно условие, указанное в этом перечне, именно ахимса — непричинение обиды, заслуживает особенного внимания. Этот долг непричинения обиды обязателен для набожного относительно всех существ. Под ним не разумеется, как думают некоторые из нас, что не следует обижать только человеческие существа, но можно быть безжалостным к низшим животным, или, как считают другие, что следует покровительствовать кошкам и собакам и кормить сахаром муравьев, а своего брата, человека, можно свободно обижать самым ужасным образом. Замечательно, что почти всякая хорошая идея в этом мире может быть доведена до отвратительной крайности. Точное применение буквы закона, доведенное до крайних пределов, становится положительным злом, и очень жаль, что правило о непричинении обид не составляет в этом отношении исключения. Смрадные монахи некоторых религиозных сект, не моющиеся, чтобы не умертвить на своем теле насекомых, никогда не думают о беспокойстве и болезнях, которые они приносят своим братьям — людям. Утешительно, по крайней мере, что они не принадлежат к религии Вед.

Признаком ахимсы служит отсутствие зависти. Всякий человек может сделать доброе дело или крупное пожертвование под влиянием настроения, вследствие суеверия, или под давлением духовенства; но действительно любит человечество тот, кто никому и ни в чем не завидует. Мы видим, что все так называемые великие люди мира завидуют друг другу в известности, славе или деньгах. Пока эта зависть гнездится в сердце человека, он далек от совершенства ахимсы, хотя бы и был вегетарианцем. Корова не ест мяса, овца тоже; что же, они поэтому великие йоги, великие необидчики? Всякий глупец может воздержаться от мясной пищи; но это одно не составляет для него большей заслуги, чем для травоядного животного. Человек, который безжалостно грабит вдову или сироту и совершает самые подлые дела ради денег, хуже дикого зверя, даже если он питается только травой. Человек же, который никогда не

питает в сердце даже мысли кого-нибудь обидеть и радуется благосостоянию даже своего величайшего врага, этот человек — бхакта, йог. Он учитель всех, хотя бы всю жизнь постоянно питался свининой. Мы всегда должны помнить, что внешние упражнения и воздержанность имеют цену только как помощь к достижению внутренней чистоты. Лучше стараться об одной внутренней чистоте, если нельзя тщательно соблюдать внешнюю. Но горе человеку и горе народу, который забывает действительную, внутреннюю, духовную сущность религии и, механически цепляясь за внешние формы, никогда от них не отступает. Формы имеют цену только как выражение внутренней жизни. Если они перестают выражать ее, разбивайте их без милосердия.

Следующее средство для достижения Бхакти-Йоги — *сила*. «Атман не может быть достигнут слабым»*,— говорит Шрути. Здесь разумеется как умственная, так и физическая слабость. «Сильный, смелый» только и годен быть учеником. Что могут сделать слабые, маленькие, дряхлые существа? Они будут разбиты вдребезги, когда вследствие упражнения в какой-нибудь Йоге, начнут пробуждаться таинственные силы ума и тела. «Только молодой, здоровый и сильный» может иметь успех. Физическая сила поэтому безусловно необходима. Только сильное тело может вынести удар реакции, следующей за попыткою управлять органами. Тот, кто хочет быть бхактой, должен быть силен, должен быть здоров. Когда жалкие, слабые пробуют упражняться в одной из Йог, они рискуют получить какую-либо неизлечимую болезь и ослабить свой ум; ослаблять же намеренно тело — вовсе не способ к духовному просветлению.

Умственно слабые также не могут иметь успеха в достижении Атмана. Человек, желающий быть бхактой, должен быть весел. Для многих идеально религиозный человек тот, кто никогда не улыбается; темное облако должно всегда висеть на его челе, лицо должно быть вытянуто и с почти судорожно сжатыми челюстями. По моему мнению, такие люди с истощенными телами и вытянутыми лицами годны для докторов, как пациенты. Они никогда не могут быть йогами. Только живой ум настойчив. Только сильный ум может прорубить себе дорогу через сети Майи — работа самая трудная и под силу только для гигантов воли.

Но чрезмерная живость и веселость должны быть также избегаемы (ануддхарша). Излишняя живость делает нас неспособными к серьезной мысли, при ней энергия ума растрачивается. Чем сильнее воля, тем меньше уступчивость власти страстей. Чрезмерная веселость так же недопустима, как и слишком печальная серьезность и полное осуществление религии возможно только тогда, когда ум находится в твердом, спокойном состоянии гармоничного равновесия.

Вот каким образом следует начинать учиться любить Бога, и это то, что известно как подготовительная Бхакти.

---

* «Мундака-упанишада», III — 2 — 4.

ПАРА-БХАКТИ, ИЛИ ВЫСШЕЕ БОГОПОЧИТАНИЕ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

Мы окончили рассмотрение так называемой подготовительной Бхакти, и, чтобы приступить к изучению Пара-Бхакти, или высшего Богопочитания, нам остается только сказать об окончательном подготовлении к нему. Такое подготовление, состоящее в повторении священных имен, в обрядах, формах, символах, имеет целью только очищение души, из всех же средств очищения самое главное, без которого никто не может достигнуть высшего Богопочитания (Пара-Бхакти),— *отречение*. Многим оно кажется ужасным, но без него невозможно никакое духовное развитие. Отречение необходимо во всех Йогах. Оно представляет собою краеугольный камень, центр и главный стимул всякого духовного совершенствования, настоящую сущность религии. Когда человеческая душа отрешается от мирских вещей и пытается углубиться в сущность; когда человек-дух поймет, что, становясь уплотненным и материальным, он приближается к погибели и, сознав это, отвернется от материи, тогда начинается отречение, а с ним и действительный его духовный рост. Отречение Карма-йога — это отказ от всех плодов своих действий, от всякого интереса к результатам своей работы, от забот о награде как теперь, так и после. Раджа-йог, исследуя природу, узнает, что все ее назначение в том, чтобы душа узнала о своей вечной отдельности от природы, поняла и убедилась, что она дух, а не материя, и что ее соединение с материей может быть только временным. Отречение Раджа-йога является результатом исследования природы. Джнана-йог уже с самого начала должен знать, что природа, кажущаяся такою массивною, не более как иллюзия. Он должен понимать, что все проявления силы в природе производятся душою, а не природою, что все знание и все испытываемое нами находится в душе, а не в природе; должен непосредственно, по убеждению своего разума, и сразу, оторваться от всех оков природы, предоставляя ей и всему, что к ней принадлежит, идти своим путем, а сам стараться остаться один. Его отречение самое суровое и трудное.

Отречение Бхакти-йога, наоборот, самое естественное и легкое; в нем нет никакого насилия. Бхакта ни от чего не отказывается, ничего насильно от себя не отрывает. Проявления этого отречения,

хотя в более или менее извращенном виде, мы видим вокруг нас каждый день. Человек любит женщину, а затем через несколько времени влюбляется в другую и первую оставляет. Она легко, свободно, ускользает из его ума, совсем не оставляя в нем чувства лишения. Женщина любит мужчину, потом полюбила другого, и первый совершенно естественно забывается. Человек любит свой город, затем начинает любить свою страну, и сильная любовь к маленькому городу легко, естественно пропадает. Потом он научается любить весь мир, и его любовь к своей стране, его патриотизм исчезает без всякого насилия, не причиняя ему никакого беспокойства. Характер того, к чему чувствуется наибольшая привязанность, что доставляет самое сильное удовольствие, зависит от степени развития испытывающего. Ни один человек не может есть с таким увлечением, как собака и волк; наслаждений же, которые доставляют человеку умственные занятия и их результаты, ни волк, ни собака испытывать не могут. У человека наслаждение сначала также связано с низшими чувствами, и чем он ближе к животному, тем сильнее его чувственные наслаждения. По мере же его развития, низшие роды наслаждения становятся все слабее, и получают постепенно перевес те, которые доставляют ему умственные занятия. Достигая же еще высшего плана, чем умственный,— плана божественного вдохновения,— он испытывает состояние блаженства, в сравнении с которым все чувственные и даже умственные удовольствия теряют всякое значение. Когда ярко светит луна, звезды кажутся тусклыми, а когда сияет солнце, сама луна меркнет. Отречение, необходимое для достижения Бхакти, получается не посредством подавления чего бы то ни было, а приходит просто, естественно, подобно тому, как в присутствии необыкновенно сильного света менее сильный свет становится все слабее и слабее, пока не исчезнет совсем. Так всякая любовь, чувственная или интеллектуальная, вследствие любви к Богу становится слабою и гаснет; любовь же к Богу растет и принимает форму, называемую Пара-Бхакти, или высшее Богопочитание. Формы исчезают, ритуалы отбрасываются, книги становятся ненужными, изображения, храмы, церкви, религии, секты, страны и национальности — все эти маленькие ограничения — сами собою спадают с того, кто познал любовь к Богу. Ничего не остается, что бы связывало или сковывало его свободу. Корабль подходит к магнитной скале, и его железные болты и скрепы притягиваются и вырываются, а деревянные части освобождаются и свободно плавают по воде. Так Божественная милость освобождает душу от болтов и скреп, ее связывающих, и она становится свободною. В этом помогающем богопочитанию отречении нет ничего трудного и сурового, никакой борьбы, никакого насилия. Бхакти не подавляет ни одной из своих страстей; он только старается усиливать их и направлять к Богу.

ОТРЕЧЕНИЕ БХАКТЫ — РЕЗУЛЬТАТ ЛЮБВИ

Везде в природе мы видим любовь. Все прекрасное в обществе, великое, возвышенное — все происходит от любви; все в нем дурное — даже дьявольское — также представляет собою лишь ложно направленный продукт той же любви. Одна и та же страсть производит как чистую и святую супружескую любовь, так и тот сорт любви, который ищет удовлетворения в самых низких животных формах. Страсть та же, но проявление ее в различных случаях различно. Одно и то же чувство, будучи хорошо направлено, побуждает человека делать добро и отдавать все, что он имеет, нуждающимся, направленное же дурно, заставляет другого перерезывать горло своим братьям и отнимать все их достояние. Первый любит других так же сильно, как второй себя. Тот же огонь, который варит пищу для нас, может обжечь ребенка; но не огня вина, если он делает это; разница в том, как им пользуются. Поэтому любовь, напряженное стремление к соединению, сильное желание двух частей стать одним и даже погрузиться и исчезнуть в одном, проявляется везде, в высшей или низшей форме, как случится. Бхакти-Йога — наука высшей любви, она указывает, как управлять и пользоваться ею, как давать ей другую цель и получать от нее самые блестящие результаты, одним словом — как заставить ее вести нас к духовному блаженству. Бхакти-Йога не говорит: откажись, но говорит только: люби, люби самое Высшее. Все же низкое само спадает с того, чей предмет любви — Высочайшее.

«Я не могу о Тебе говорить ничего, кроме того, что Ты моя любовь. Ты прекрасен. О, Ты прекрасен. Ты сама красота». Все, что требует от нас эта Йога, это чтобы наша жажда прекрасного была направлена к Богу. Что такое красота человеческого лица, неба, звезд, луны? Все это только слабое отражение истинной, всеобъемлющей Божественной Красоты. «Он, светозарный, озаряет все. Его светом все светится»*. Достигните этого высокого состояния Бхакти, и оно заставит вас сразу забыть ваши маленькие личности.

* «Катха-упанишада», II — 5 — 15.

Отрешитесь от ничтожных мирских эгоистических привязанностей. Не смотрите на человечество как на предмет ваших высших интересов. Стойте как зритель, как исследователь и наблюдайте явления природы; смотрите, как могущественное чувство любви вырабатывается в мире. Иногда это покажется вам трудным; вы встретите препятствия, испытаете неудачи. Но они будут незначительны и только в то время, когда вы еще на пути к достижению высшей, истинной любви. Не обращайте на них внимания; они чувствительны, только пока находишься в мирском водовороте; выйдя же из него и стоя вне его, как зритель или ученик, вы сразу увидите миллионы миллионов путей, какими Бог проявляет себя как Любовь.

«Везде, где есть какое-либо благополучие, даже в чувственных вещах, там есть и искра того Вечного Блаженства, которое есть Сам Бог». Даже в самых низших родах привязанности таится зародыш Божественной любви. Одно из имен Бога на санскритском языке — Хари — означает, что Он привлекает к Себе все. Только Его влечение достойно человеческого сердца. Кто на самом деле может привлечь душу? Только Он. Не думаете ли, что душу может привлечь мертвая материя? Этого никогда не было и никогда не будет. Видя человека, увлекающегося прекрасною наружностью, не думаете ли вы, что его привлекает горсть расположенных известным образом материальных частиц? Ни в каком случае. За этими материальными частицами должно быть, и есть, действие божественного влияния и божественной любви. Невежественный человек не знает этого, но сознательно или бессознательно привлекается им и только им одним. Даже самые низкие формы привязанности получают свою силу от Самого Господа. «Никто, о возлюбленный, никогда не любил ради самого мужа; муж любит ради Атмана, Господа, Который внутри его»*. Любящие жены могут знать это или не знать, но это тем не менее верно. «Никто, о возлюбленный, никогда не любил жену ради самой жены, но внутри жены нахожусь Я, которого любят».— «Таким же образом никто не любит ребенка или что-нибудь другое в мире иначе, как ради Него, Который внутри». Бог — это громадный магнит, а все мы железные опилки; постоянно привлекаемся Им и стремимся приблизиться к Нему. Вся наша борьба в этом мире преследует не эгоистичные цели. Глупцы не знают, что делать, но весь труд их жизни состоит в приближении к этому великому Магниту. Да, все ужасные условия и борьба в жизни имеют целью заставить нас идти в конце концов к Нему и составить с Ним одно.

Бхакти-йог знает смысл житейской борьбы, понимает ее значение. Он выдержал длинный ряд схваток, испытал их тяжесть и страстно желает освободиться от них. Он хочет избежать столкновений и идет прямо к всепривлекающему центру, к великому Хари. Могущественное притяжение в направлении к Нему и уничтожает все другие привязанности бхакты, так как входящая в его сердце беско-

---

* «Брихадараньяка-упанишада», II — 4.

нечная любовь к Богу не оставляет там места ни для какой другой любви. Да иначе и быть не может. Бхакти наполняет его сердце океаном любви; этот океан — Сам Бог, и там не остается места для маленьких привязанностей. Это отречение бхакты называется *вайрагья*, или непривязанность ко всему, что не Бог, и происходит от *анурага*, или сильной привязанности к Богу. Когда такое идеальное отречение, служащее приготовлением в высшей Бхакти, наступает, для души открывается дверь к достижению полных величия областей Высшего Богопочитания, или *Пара-Бхакти,* и только человек, вошедший во внутренний алтарь ее, имеет право сказать, что все формы и символы, как помощь к осуществлению религии, для него бесполезны. Только он достиг того высшего состояния любви, которое обыкновенно называется братством людей; остальные только болтают о нем. Он один не видит различий. Огромный океан любви влился в него, и он не замечает ни людей, ни животных, ни растений, ни солнца, ни луны, ни звезд; но везде и во всем видит своего Возлюбленного. Во всех лицах ему сияет его Хари. Свет солнца и луны — Его проявления. Везде, где есть красота или величие, для него — это красота и величие Его. Такие бхакты еще живут — мир никогда не бывает без них. Такой, даже когда его укусит змея, только скажет, что это к нему пришел посланный от его Возлюбленного. Только такие люди имеют право говорить о всеобщем братстве. Они не чувствуют злобы; их ум никогда не реагирует в форме ненависти или зависти. Все внешнее, чувственное в них исчезло навсегда. Как могут они сердиться, когда, вследствие своей любви, они всегда за всем кажущимся видят Истину.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ БХАКТИ-ЙОГИ И ЕЕ ГЛАВНЫЙ СЕКРЕТ

«Какие йоги выше, те ли, что с постоянным почтением всегда молятся Тебе, или те, которые поклоняются Недифференцированному, Абсолюту?»*— спросил Арджуна Шри Кришну. Ответ был такой: «Кто сосредоточивает свой ум на мне и молится мне с вечным постоянством и самою глубокою верою,— те мои лучшие поклонники; они величайшие йоги. Кто подчинением своего тела и уверенностью в тождестве всех вещей поклоняется Абсолюту, Неописуемому, Непроявленному, Вездесущему, Немыслимому, Всеведущему, Неизменяемому и Вечному, тот, деланием добра всем существам, также приходит ко мне одному. Но для тех, чей ум посвящен непроявленному Абсолюту, трудность борьбы по пути к достижению цели значительно больше, так как для воплощенного существа путь к непроявленному Абсолюту гораздо труднее. Кто весь свой труд предлагает мне, кто с полным упованием думает обо мне, молится мне и не имеет привязанности ни к чему, кроме меня, тех я скоро подниму из океана вечно повторяющихся рождений и смерти, так как их ум вполне привязан ко мне».

Это одинаково относится к Джнана-Йоге и Бхакти-Йоге. Можно сказать, что обе определяются этим изречением. Джнана-Йога — великая наука; это высшая философия.

Как это ни странно, но почти каждый думает, что может делать все, что от него требует философия. На самом деле следовать в жизни философии очень трудно, и часто, пробуя руководствоваться ею в жизни, мы подвергаемся серьезной опасности. Этот мир делится на людей с демонскою природой, думающих, что забота о теле составляет сущность и цель существования, и людей с хорошею натурою, которые знают, что тело только средство для достижения целей — орудие, назначенное для воспитания души. Дьявол может также цитировать Писание, и на самом деле цитирует, толкуя его сообразно со своими целями; так что знание, служа для доброго человека побудительною причиною к деланию добра, пред-

* «Бхагавадгита», XII — 1 — 7.

лагается также и в оправдание того, что делают злые люди. В этом большая опасность Джнана-Йоги. Бхакти-Йога же естественна, приятна и легка. Бхакти-йог не взлетает на такие высоты, как Джнана-йог, и поэтому для него нет и таких жестоких падений. Но пока с души не спали оковы, она, конечно, не может быть свободна, какой бы религиозный путь ни избрала.

Есть рассказ об одной блаженной Гопи, у которой были разбиты связывающие душу оковы как хороших, так и дурных поступков. «Сильное наслаждение, испытываемое при размышлении о Боге, сняло с нее связывающее действие ее добрых дел, а сильная скорбь души от недостижения Его омыла ее от всех греховных наклонностей; и, освободясь таким образом от всех оков, она стала свободною»*. Поэтому главный секрет Бхакти-йога заключается в знании, что различные страсти, чувства и наклонности человеческого сердца сами по себе не бывают дурны, следует только заботливо управлять ими и давать им все более и более высокое направление, пока они не достигнут самого полного совершенства. Самое высшее направление — то, которое ведет нас к Богу; всякое другое ниже его. Мы видим, что наслаждение и страдание очень обыкновенны и часто повторяются в нашей жизни. Когда человек страдает от того, что не достиг богатства или чего-либо другого мирского, он, значит, дурно направил свое чувство, и страдание не принесет ему пользы. Если же он страдает потому, что не достиг Высочайшего, не приблизился к Богу, страдание послужит к его спасению. Когда вы радуетесь, что получили горсть монет, вы дали вашей способности радоваться ложное направление; ее нужно было направить выше, заставить служить Высочайшему идеалу, достижение которого должно быть самою сильною нашею радостью. Это верно относительно всех наших чувств. Бхакта говорит, что ни одно из них не дурно; он пользуется каждым из них, направляя все без исключения к Богу.

---

* «Вишну-пурана», V — 13 — 21, 22.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБВИ

Есть несколько форм, в которых любовь проявляется. На первом месте стоит почитание. Почему люди оказывают почтение храмам и святым местам? Потому, что там поклоняются Богу, и Его присутствие связывается в понятии людей с такими местами. Почему во всех странах почитают учителей религии? Для человеческого сердца естественно так поступать, потому что учители религии проповедуют о Боге. В основании почтение есть результат любви; никто из нас не может почитать того, кого не любит. Дальше идет *прити* — наслаждение в Боге. Какое огромное удовольствие люди испытывают от чувственных предметов! Они идут куда угодно, подвергаются всяким опасностям, чтобы добыть вещь, которая им нравится. Бхакта желает того самого рода сильной любви, но только направленной к Богу. Затем есть прелесть и в страдании, *вирахе*,— сильном страдании от отсутствия любимого. Когда человек чувствует сильное горе, потому что не достиг Бога, не узнал того, что только одно достойно познания и, вследствие этого, стал неудовлетворенным и почти безумным, тогда говорят, что у него вираха — то состояние ума, которое заставляет чувствовать недовольство в присутствии всего, что нелюбимо. Мы видим, как часто бывает эта вираха при земной любви. Когда мужчина сильно любит женщину или женщина мужчину, они чувствуют род невольной досады в присутствии тех, кого не любят. Совершенно то же состояние нетерпения относительно нелюбимых вещей испытывает ум, когда Пара-Бхакти приобрела власть над ним; даже говорить о чем-нибудь, кроме Бога, ему становится противно. «Думай о Нем, о Нем одном и откажись от всех других пустых мыслей»*. Те, кто говорит только о Нем, приятны Ему; те же, кто говорит о чем-нибудь другом, кажутся Ему неприятными.

Еще выше любовь, когда сама жизнь поддерживается только ради идеала любви, когда жизнь находят прекрасною и стоящею того,

---

* «Мундака-упанишада», II — 2 — 5.

чтобы жить, только из-за любви, когда без любви жизнь не продолжалась бы и мгновения. Жизнь приятна потому, что она полна мыслью о возлюбленном. *Тадията* (принадлежность Ему) наступает, когда человек стал совершенным в Бхакти. Когда он сделался блаженным, достиг Бога, прикоснулся к ногам своего Господа, тогда вся его природа очищена и совершенно изменилась, все назначение его жизни выполнено. Но, достигнув такого состояния, многие бхакты продолжают жить исключительно для того, чтобы благословить Его. Это составляет их единственное блаженство в жизни, с которым они не хотят расстаться. «О король, такое блаженное свойство Хари, что даже те, кто стал удовлетворенным всем и чье сердце освободилось от всех уз, даже они любят Бога ради самой любви»*,— Господа, «Которому поклоняются все боги, все любящие свободу и все познавшие Брахмана**. Такова сила любви. Когда человек совершенно забыл себя и чувствует, что ему ничто не принадлежит, только тогда он приобретает состояние *тадияты*. Все становится для него священным, потому что все принадлежит Возлюбленному. Даже при земной любви любящий считает священным и дорогим для себя все, принадлежащее любимому. Как влюбленный любит даже клочок одежды возлюбленной его сердца, совершенно так же, когда человек любит Бога, все во Вселенной становится для него дорогим потому, что все принадлежит Ему.

---

* «Бхагавата-пурана», I — 7 — 10.

** «Нришинхатапани», V — 2 — 16.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ ЛЮБОВЬ, И КАК ОНА ВЕДЕТ К САМОПОЖЕРТВОВАНИЮ

Как мы можем любить *вьяшти*, частное, не любя раньше *самашти*, всеобщее? Бог есть *самашти*, обобщенное и абстрактное всеобщее целое; а природа, которую мы видим,— *вьяшти*, отдельная вещь. Любить всю Вселенную можно только любовью к *самашти* — всеобщему, которая есть простая единица, заключающая в себе миллионы миллионов меньших единиц. Философы Индии не останавливаются на частностях. Они бросают беглый взгляд на частное и тотчас начинают искать обобщенную форму, заключающую в себе все частности. Поиски всеобщего составляют, таким образом, предмет индийской философии, как и религии. Джнан ищет обобщения вещей, того одного абсолютного и обобщенного Существа, зная Которое, он будет знать всякую вещь. Бхакта хочет узнать то обобщенное, абстрактное Лицо, любя Которое, он будет любить всю Вселенную. Раджа-йог желает найти и обладать тою обобщенною формою силы, управляя которою, он будет управлять всею Вселенною. Таким образом, индийский ум на протяжении всей истории направлялся к этому замечательному исканию общего во всем — в науке, в психологии, в любви и в философии.

Поиски бхакты приводят его к заключению, что если кто-нибудь продолжает любить одно лицо после другого, то он может любить их таким образом бесконечно, не будучи совсем в состоянии любить мир как целое. Поэтому следует стремиться прийти к основной мысли, что сумма всей любви — Бог, что сумма желаний всех душ во Вселенной, свободны ли они, или связаны, или домогаются освобождения,— Бог. Только тогда возможно для человека проявлять всеобщую любовь. Бхакта поэтому говорит, что Бог есть самашти, и что видимая природа тот же Бог, но дифференцировавшийся и проявленный. Если мы любим сумму, мы любим все ее составляющие. Тогда будет легка любовь к миру и деланье ему добра, но эта способность получается только посредством любви к Богу; иначе делать добро миру нельзя. «Все принадлежит Ему, и Он любит меня, а я люблю Его»,— говорит бхакта. При такой любви все становится священным, потому что все — Его, все — Его дети, Его тело, Его проявление. Как можем мы тогда кого-нибудь обидеть?

Как можем кого-нибудь не любить? С любовью к Богу придет несомненно любовь ко всему во Вселенной. Чем более мы приблизимся к Богу, тем яснее увидим, что все вещи — в Нем. Когда душа успеет приобрести блаженство этой высшей любви, она начнет видеть Его везде. Наше сердце станет тогда вечным источником любви. А когда мы достигнем посредством этой любви высшего состояния, все маленькие различия между вещами этого мира исчезнут: человек будет казаться не человеком, но Богом, животное — не животным, но Богом; даже в тигре мы будем видеть не тигра, но проявление Бога. Таким образом, в этом высшем состоянии Бхакти, поклонение обращается ко всякой жизни и ко всякому существу. «Зная, что Хари, Господь, есть во всякой вещи, мудрый должен проявлять неуклонную любовь ко всем существам».

Результатом этого рода напряженной, всепоглощающей любви является чувство совершенного самопожертвования и убеждение, что ничто не враждебно нам. Тогда любящая душа способна сказать при боли: «Добро пожаловать, боль», и при несчастьи: «Добро пожаловать, несчастье,— вы также от Возлюбленного». Приползшей к ней змее она скажет: «Добро пожаловать, змея». И, даже если придет смерть, такой бхакта будет приветствовать и ее улыбкой. Он скажет: «Блажен я, что они все пришли ко мне, все мои желанные». Бхакта в этом состоянии совершенного отречения, происходящего от сильной любви к Богу и всему, что Его, перестает отличать удовольствие от страдания, насколько они касаются его. Он теперь не знает, что значит жаловаться на боль или страдание, и этот род безропотной покорности воле Бога, Который весь — любовь,— более ценное приобретение, чем всякая слава великих и геройских подвигов.

Для большинства человечества тело составляет все. Для них вся Вселенная — тело, и телесные наслаждения важнее всего. Этот демон поклонения телу и телесным вещам вселился во всех нас. Мы можем пускаться в возвышенные разговоры и очень высоко заноситься в область рассудка, но все же остаемся похожими на ястреба, которого ум направлен вниз, на кусок падали. Зачем, например, спасать наше тело от тигра? Почему не отдать его? Тигр останется очень доволен, и это будет своего рода самопожертвование и богопочитание. Дойти до такого полного осуществления идеи самоотречения, когда чувство своего «я» совершенно утрачено,— значит подняться на такую головокружительную высоту религии любви, до которой только немногие в этом мире когда-либо добирались; но, пока человек не достиг этой высшей степени всегда готового и всегда желаемого самопожертвования, он не может быть совершенным бхактой. Как бы мы ни заботились о сохранении наших тел, они все-таки в конце концов разрушатся; между ними нет вечных. Так пусть же они погибнут на служении другим. «Богатство, и даже самую жизнь, мудрый всегда держит наготове для служения другим. В этом мире верно одно — смерть, и гораздо лучше, чтобы тело умерло для хорошего дела, чем для дурного». Мы можем влачить нашу жизнь

пятьдесят или сто лет, но что же будет после? Все, что представляет собою результат соединения, должно распасться и умереть, и для нашего тела настанет время, когда оно разложится. Ведь умерли Будда и Магомет, и все им подобные. Бхакта говорит: «В этом эфемерном мире, где все рассыпается в прах, мы должны употребить наше время с наибольшею пользою, а действительная высшая польза заключается в служении всем существам». Ужасное заблуждение, что мы не что иное, как тело, и должны стараться всеми возможными средствами сохранить его и доставлять ему наслаждения, порождает весь эгоизм мира. Если бы вы знали, что вы нечто особое от вашего тело, вам не из-за чего было бы бороться и кому-либо противодействовать; вы были бы глухи ко всем эгоистичным пробуждениям. Поэтому бхакта и говорит, что вы должны себя держать, как если бы были мертвы для всех мирских идей. Это и есть самопожертвование. Предоставьте всему идти своею дорогой — в этом истинный смысл слов «Да будет воля Твоя»— и не старайтесь о чем-нибудь хлопотать и из-за чего-нибудь бороться, думая, что Богу нужны наши слабости и самолюбие. Правда, может случиться, что даже из наших эгоистических хлопот выйдет что-нибудь хорошее; но это Божие произволение, и в нем нет никакой нашей заслуги. Совершенный бхакта находит, что никогда не должно ничего желать или делать для себя. «Боже, они строят во имя Твое высокие храмы; они приносят богатые жертвы! Я же беден, у меня ничего нет; так возьми это тело и положи у Своих ног. Не отвергни меня, о Господи!» Такая молитва исходит из глубины сердца бхакты. Для того, кто испытывал это вечное принесение себя в жертву Возлюбленному Господу, оно гораздо дороже богатства, славы, власти и всяких наслаждений. Спокойная покорность бхакты — это «мир, превосходящий всякое понимание», блаженство ни с чем не сравнимое. Его *апратикулья* — такое состояние, при котором ум не имеет решительно никаких интересов в этом мире, и потому, естественно, не знает ничего, что противоречит таким интересам. В этом состоянии высокого отречения все, имеющее форму привязанности, исчезло вполне, за исключением одной всепоглощающей любви к Тому, в Ком все живет, движется и имеет бытие. Эта же привязанность, выражающаяся в любви к Богу, конечно, такова, что не связывает души, но разбивает все ее оковы.

ВЫСШЕЕ ЗНАНИЕ И ВЫСШАЯ ЛЮБОВЬ ДЛЯ ИСТИННО ЛЮБЯЩЕГО — ОДНО И ТО ЖЕ

Упанишады различают высшее знание и низшее. Между высшим знанием Упанишад и высшею любовью Бхакти (Пара-Бхакти) нет никакой разницы. «Мундака-упанишада» говорит: «Познавшие Брахмана утверждают, что есть два рода знания, достойных того, чтобы стремиться к обладанию ими, именно высшее (*пара́*) и низшее (*апара́*). Низшее состоит из *Ригведы, Яджурведы, Самаведы, Атхарваведы, Шикши*, или умения произносить слова и пользоваться ударениями, *Кальпы*, или жертвенного богослужения, грамматики, *Нирукты*, или этимологии, и астрономии; высшее — в познании Неизменного»*. Здесь, таким образом, ясно указывается, что высшее знание есть познание Брахмана. Дэви-Бхагавата дает нам следующее определение высшей любви (Пара-Бхакти): «Когда непрерывный поток мысли о Боге, подобно маслу, переливаемому из одного сосуда в другой, течет непрерывной струей, это и есть Пара-Бхакти, высшая любовь». Этот род постоянного, непрерывного и неуклонного направления ума и сердца к Богу есть высшее проявление любви к Нему человека. Все другие формы Бхакти только подготовление к достижению этой высшей ее формы — Пара-Бхакти, называемой также любовью, приходящею после привязанности (рагануга). Когда эта высшая любовь водворится в сердце человека, его ум будет постоянно думать о Боге и не помнить ничего другого. Он не даст в себе места никаким мыслям, кроме мыслей о Боге, и его душа, будучи безусловно чиста, разобьет все оковы ума и материи и станет светла и свободна. Только он может поклоняться Господу в своем сердце, и для него все формы, символы, книги и учения становятся ненужными и бесполезными. Нелегко так любить Бога!

Обыкновенная человеческая любовь расцветает только там, где на нее отвечают; а где любовь не встречает ответа, там обыкновенно в результате получается холодное равнодушие. Бывают, однако, редкие случаи человеческой любви, где можно заметить, что любовь

---

* «Мундака-упанишада», I — 4 — 5.

продолжается даже тогда, когда на нее не отвечают. Мы можем сравнить ради иллюстрации этот род любви с любовью ночной бабочки к огню. Это насекомое любит огонь, стремится к нему, потому что в его природе любить огонь, и, попадая в него, умирает. Любить, потому что сама природа этого требует, без сомнения, самое высшее и наиболее бескорыстное проявление любви, какое только может видеть мир. Такая любовь, вырабатываемая в духовном плане, необходимо ведет к достижению Пара-Бхакти.

ТРЕУГОЛЬНИК ЛЮБВИ

Мы можем представить любовь в виде треугольника, каждый угол которого соответствует одному из неотделимых от любви ее свойств. Не может быть треугольник без трех углов и не может быть истинной любви без трех следующих свойств. Первый угол треугольника любви то, что *любовь не торгуется*. Где есть желание получить что-нибудь взамен, там не может быть настоящей любви; она становится простою торговлею. Пока в нас есть какая-либо мысль получить от Бога ту или другую милость взамен нашего почитания Его и преданности Ему, до тех пор не может быть никакой любви в нашем сердце. Те, кто поклоняются Богу, потому что хотят, чтобы Он даровал им милости, наверно не будут поклоняться Ему, если эти милости не получатся. Бхакта любит Бога, потому что любит. Нет другой причины, порождающей и направляющей это божественное чувство истинно набожного. Есть рассказ, что некий король пошел однажды в лес и там встретил мудреца. Он говорил с мудрецом, был поражен его праведностью и мудростью и выразил желание, чтобы тот сделал ему одолжение, принял от него подарок. Мудрец отказался, сказав: «Плоды этого леса — достаточная для меня пища, чистые потоки, бегущие с гор, дают мне воду для питья, кора деревьев доставляет мне покров, горные пещеры служат мне убежищем; зачем же я стану брать подарки от тебя или кого бы то ни было?». Король отвечал: «Просто чтоб доставить мне удовольствие. Пожалуйста, пойдем со мною в город, в мой дворец, и возьми от меня что-нибудь». Он убеждал его долго, и наконец мудрец согласился исполнить желание короля и пошел с ним в его дворец. Прежде чем предложить подарок мудрецу, король начал молиться: «Господи, дай мне еще детей, дай мне богатства; Господи, дай еще территории; Господи, сохрани мое тело в добром здоровье», и т. д. Прежде чем король окончил свою молитву, мудрец встал и спокойно ушел из комнаты. Видя это, король смутился и погнался за ним, громко крича: «Ты уходишь, не взяв моих подарков». Мудрец обернулся и сказал: «Я не беру от попрошаек. Ты сам нищий; как же ты можешь мне что-нибудь дать? Я не настолько глуп, чтоб ожидать получить что-нибудь от подобного себе нищего. Уходи, не следуй за мною!». Эта история ясно показывает разницу меж-

ду нищими в области религии и действительно любящими Бога. Поклоняться Богу ради какой-нибудь награды, даже ради спасения,— значит унижать высокий идеал любви. Любовь не знает никакой награды. Любовь бывает всегда только ради любви. Бхакта любит потому, что не может не любить. Когда вы видите прекрасный вид и любуетесь им, вы не требуете от вида никакой награды, и он ничего не требует от вас. Но, глядя на него, вы приходите в блаженное настроение, смягчающее тревоги вашей души. Он почти возвышает вас временно над вашею смертною природою и приводит в состояние спокойного, божественного экстаза. Такова природа настоящей любви, и это первый угол нашего треугольника. Не просите ничего взамен вашей любви. Будьте всегда в положении дающего. Давайте вашу любовь Богу; но не просите за нее ничего, даже от Него.

Второй угол треугольника любви — то, что *любовь не знает страха.* Те, кто любит Бога из страха, самые низкие из человеческих существ; они недоразвились до состояния человека. Они молятся Богу из страха наказания. Для них Он великое Существо с кнутом в одной руке и скипетром в другой, и они боятся, что если не будут повиноваться ему, то подвергнутся бичеванию. Поклоняться Богу из страха наказания — разврат. Такое поклонение,— если его можно так назвать,— самая грубая форма поклонения Богу любви. Пока в сердце есть сколько-нибудь страха, как может быть там любовь? Любовь побеждает всякий страх. Представьте себе на улице молодую мать. Если на нее залает собака, она испугается и бросится в ближайший дом. Но вообразите, что та же мать на улице с ребенком, и лев бросается на ребенка. Где окажется в этом случае мать? Несомненно, перед пастью льва, чтобы спасти свое дитя. Любовь побеждает всякий страх. Страх является от эгоистичной мысли об отделении себя от природы. Чем ничтожнее я себя считаю и чем больший я эгоист, тем больше мой страх. Когда человек считает себя маленьким и ничтожным, страх обязательно нападает на него. А чем вы меньше думаете о себе, как о незначительной личности, тем у вас меньше будет страха. Пока в вас есть хоть искра страха, любви у вас быть не может; любовь и страх несовместимы. Бога никогда не боятся те, кто любит Его. Заповедь «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно» может только рассмешить истинно любящего Его. Какое богохульство может быть в религии любви? Чем более вы повторяете имя Божие, тем лучше для вас, когда бы вы это ни делали. Вы повторяете Его имя только потому, что любите Его.

Третий угол треугольника любви то, что *любовь не знает соперника*, потому что в ней всегда воплощается высший идеал любящего. Истинной любви никогда не бывает, пока предмет нашей любви не стал для нас нашим высшим идеалом. Часто случается, что человеческая любовь дурно направлена и помещена, но для того, кто любит, предмет его любви всегда его высший идеал. Один человек может видеть свой идеал в самом низком существе, другой — в самом высо-

ком, и тем не менее обоими может быть истинно и сильно любим только его идеал. Высочайший идеал всякого человека — Бог. Для невежды и мудреца, святого и грешника, образованного и необразованного, воспитанногго и невоспитанного,— для всех людей высший идеал — его Бог. Совокупность всех высших идеалов красоты, величия и силы дает нам полное понятие о любящем и любимом Боге. Эти идеалы существуют в каждом уме, в той или другой форме, и составляют части и совокупность частей всех наших умов. Все активные проявления человеческой природы, которые мы видим в окружающем нас обществе, производятся в разных душах разными идеалами, стремящимися обнаружиться и стать конкретными, потому что все, находящееся внутри, стремится выйти наружу. Это вечно господствующее влияние идеала есть сила, одна из побудительных причин, которую постоянно можно видеть действующею в человечестве. Может быть, только после сотен рождений, после борьбы в течение тысячелетий человек увидит, что напрасно стараться свой внутренний идеал приспособлять к внешним условиям и сообразовать с ними; но, придя к такому заключению, он не будет больше пытаться проводить свой идеал во внешнем мире, а станет поклоняться самому идеалу, как идеалу с точки зрения высшей любви.

Этот бесконечно совершенный идеал обнимает все низшие идеалы. Каждый находит верным изречение, что любящий видит красоту Елены даже в эфиопке. Человек, стоящий в стороне, в роли зрителя, находит, что в этом случае идеал помещен не там, где следует; но влюбленный все равно видит свою Елену и совсем не видит эфиопки. Потому что предмет нашей любви — будь то Елена, или эфиопка — есть настоящий центр, около которого скристаллизовались наши идеалы. Чему же мир обыкновенно поклоняется? Конечно, не всеобъемлющему, бесконечно совершенному идеалу высшей преданности и любви. Идеал, которому обыкновенно поклоняются все, и мужчины, и женщины,— это то, что имеется в них самих, и каждый проектирует свой идеал во внешний мир и преклоняет перед ним колена. Вот почему жестокие люди считают Бога кровожадным; они воплощают в нем свой собственный высший идеал. По той же причине добрые люди имеют очень высокое представление о Боге; их идеал, конечно, очень сильно отличается от идеала первых.

БОГ ЛЮБВИ САМ ДОКАЗЫВАЕТ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Что составляет идеал любящего, который совсем отрешился от всякой мысли об эгоизме, мене и торговле и не знает страха? Такой человек самому Богу скажет: «У меня нет ничего, что я мог бы назвать своим. Все свое я отдал Тебе и ничего не хочу от Тебя». Когда человек достиг такого состояния, его идеалом становится совершенная, бесстрашная любовь. Высший идеал такого человека не имеет в себе ничего узкого, ничего частного.

Это всеобщая любовь, любовь без границ и оков, сама любовь, совершенная и безусловная. Великому идеалу религии любви поклоняются абсолютно, как таковому, без помощи каких-либо символов или побуждений. Высшая форма Бхакти есть поклонение всеми признанному идеалу как своему собственному, избранному самим собою; прочие формы Бхакти — только ступени на пути к достижению этой высшей. Все наши неудачи и успехи в исполнении требований религии любви лежат на пути к осуществлению этого одного идеала. Бхакта берет один предмет за другим и в каждый из них последовательно воплощает свой внутренний идеал. При этом он видит, что все они не могут быть представителями его всеобъемлющего внутреннего идеала, и один за другим отбрасывает их.

Затем начинает думать, что напрасно старался осуществлять идеал во внешних предметах, что все внешние предметы ничто, в сравнении с самим идеалом, и со временем приобретает способность осуществления самого высокого и обобщенного отвлеченного идеала — чистую абстракцию, которая становится для него совершенно живою и реальною. Когда подвижник достигает этого состояния, ему не нужно больше спрашивать, может ли Бог обнаруживаться или нет, всемогущ ли Он и вездесущ ли. Для него Он только Бог любви. Он высочайший идеал любви, и этого для него довольно. Он, как любовь, для него видим непосредственно — так как для любящего существование любимого не требует никаких доказательств. Боги-судьи других форм религии могут требовать массы доказательств, чтоб установить свое существование; но Бхакта не может думать и совсем не думает о таких богах. Для него Бог су-

ществует только как любовь, и, находя Его, как самую внутреннюю душу, во всем, он в экстазе восклицает: «Никто, о возлюбленный, не любит мужа ради мужа, но муж любим ради Господа, который в муже; никто, о возлюблённый, не любит жену ради жены, но жену любят ради Господа, который в жене».

Говорят, что эгоизм единственная побудительная причина всей человеческой деятельности. По моему же мнению, побуждением к этой деятельности служит тоже любовь, только ослабленная разменом на частности. Когда я думаю о себе, как о части всеобщего целого и люблю это целое, моя любовь становится всеобщею, и во мне наверно не останется ни малейшего эгоизма. Но когда я ошибочно считаю себя чем-то маленьким, отдельным от Целого, моя любовь останавливается на частностях и суживается.

Большая ошибка — суживать и сокращать область любви, потому что все во Вселенной божественного происхождения и заслуживает того, чтобы быть любимым. Следует, однако, помнить, что любовь ко всему заключает в себе любовь к частям. Это всеобщее Целое есть Бог бхакт, а все другие Боги — Небесные Отцы, Вседержители, Творцы — и все теории, и учения, и книги не имеют для них никакого значения и смысла, так как они своею высшею любовью и преданностью совершенно поднялись над всем этим. Когда сердце очищено и наполнено до краев божественным нектаром любви, все идеи о Боге, кроме той, что весь Он Любовь, становятся ребяческими и отбрасываются как несоответственные и недостойные. Такова сила Пара-Бхакти, или высшей любви; и совершенный бхакта не идет больше искать Бога в храмах и церквах; он не знает места, где бы не нашел Его. Он находит Его в храме, так же как и вне храма; находит Его в святости Святого, так же как и в безнравственности порочного, потому что он уже поместил Его в славе в своем собственном сердце, как всемогущий, неугасимый свет любви, всегда сияющий и вечно присутствующий.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ ЛЮБВИ

На человеческом языке невозможно выразить природу этого высшего и безусловного идеала любви. Даже самый высокий полет человеческой фантазии не в состоянии представить его во всем его бесконечном совершенстве и красоте. Несмотря на это, последователи религии любви, как в ее высших, так и в низших формах, всегда и во всех странах употребляли неудовлетворительный человеческий язык, чтобы понять и выразить свой собственный идеал любви. Даже больше, сама человеческая любовь, во всех ее различных формах, употреблялась для образного представления этой невыразимой божественной любви. Человек может думать о божественных вещах только своим человеческим способом. Для нас Абсолют может быть выражен только на нашем относительном языке. Вся Вселенная для нас не что иное, как письменное изложение о бесконечном на языке конечного. Поэтому бхакты употребляют, в применении к Богу и к поклонению Ему любовью, все обыкновенные выражения, связываемые человечеством с обыкновенною любовью.

Некоторые великие писатели, пишущие о Пара-Бхакти, пробовали понять и выразить эту божественную любовь следующим образом. Самая низкая форма, в которой проявляется эта любовь, та, которую они называют спокойною,— *шанта*. Когда человек молится Богу, без огня любви в сердце и безумия в мозгу, когда его любовь обыкновенная, спокойная, только немного высшая, чем простая форма, чем обряд или символ, и совсем не отличается безумием напряженной, деятельной любви, это называется *шанта*. Мы видим в мире людей, которые двигаются медленно, и других, приходящих и уходящих, подобно вихрю. Шанта-Бхакти похожа на первых — спокойна, мирна и умеренна. Следующий, высший, тип — *дасья*, или служение. Она бывает, когда его идеал — привязанность верного слуги к своему господину.

Следующий тип — *сакхья*, или дружба. «Ты наш возлюбленный друг»,— восклицает придерживающийся этого идеала. Дружбой между людьми называется такая любовь, при которой человек открывает свое сердце другому и знает, что тот никогда не станет бра-

нить его за ошибки, но всегда постарается помочь ему, причем в его уме всегда таится мысль о равенстве между ним и его другом. Совершенно такой же род любви исходит из сердца молящегося к его Богу, если этот тип любви составляет его идеал. Таким образом, Бог становится нашим близким другом, которому мы можем свободно рассказывать все повести нашей жизни. Самые интимные тайны нашего сердца мы выкладываем перед ним с величайшею уверенностью в безопасности и помощи. Он наш друг, к которому мы относимся как к равному, как к товарищу игр. И в самом деле, рассуждают они, разве нельзя сказать, что Бог играет в этой Вселенной? Как дети играют в свои игры, так и Сам Возлюбленный Бог тешится, создавая эту Вселенную. Он совершенен, ни в чем не нуждается; зачем же ему творить? Деятельность у нас всегда имеет целью выполнение какой-нибудь потребности, а потребность всегда предполагает несовершенство. Бог совершенен. Он не имеет потребностей. Почему же Он вечно деятелен и продолжает свое творчество? Какую цель имеет Он при этом в виду? Истории о сотворении Богом этого мира для той или иной воображаемой нами цели хороши как рассказы, но не больше. Поэтому у Него не может быть другой цели, кроме настоящей забавы; и Вселенная — Его продолжающаяся игра. Вся Вселенная должна быть, в конце концов, частью приятной для Него забавы. Бхакта говорит: «Люби Господа твоего, Товарища по игре, и наслаждайся игрой. Если ты беден, радуйся, что это шутка. Если ты богат, радуйся игре в богатство. Если подвергаешься опасностям, это хорошая игра. Если пришло счастье, это еще лучшая забава. Мир это театр, в котором мы играем свои роли, и Бог все время играет с нами. Вечный товарищ по игре — как прекрасно Он играет! Игра оканчивается, когда цикл приходит к концу, и тогда наступает отдых на более или менее продолжительное время. Затем опять начинается игра, опять является Вселенная и все прочее и играет с Ним, и так продолжается дальше. Несчастья и горести приходят только тогда, когда вы забываете, что все это игра и что вы также принимаете в ней участие. Тогда на сердце становится тяжело, и мир гнетет вас с ужасною силой. Но как только вы отбросите свойственную всем нам мысль о серьезной реальности меняющихся случаев этой трехминутной жизни и узнаете, что это только сцена, на которой вы играете и помогаете играть Богу, страдания тотчас исчезают для вас. Итак, смотрите на Него как на играющего в каждом атоме, играющего, когда Он создает земли, солнца и луны, играющего с человеческими сердцами, с животными и растениями. Смотрите на себя только как на Его партнера. Он устраивает нас сначала так, потом иначе, и мы сознательно или бессознательно помогаем Ему в игре. И, о блаженство! Мы — Его партнеры!». Следующий тип известен как *ватсалья,* или любовь Бога не как нашего отца, но как наше Дитя. Это может показаться странным, но есть взгляд, делающий нас способными отделить от понятия о Боге все идеи о силе. Идея о силе приносит с собою страх; в любви же не должно быть страха.

Идеи о почтении и повиновении необходимы для образования характера. Но, когда характер сформирован, когда любящий испытал не только спокойную любовь, но также и безумие любви, тогда он не нуждается больше в нравственности и повиновении формам Писания. Любящий говорит, что ему нет надобности смотреть на Бога как на могущественного, величественного и славного Господа Вселенной или как на Бога богов. Чтобы избежать соединения с понятием о Боге чувства силы, которое вызывает страх, он служит Богу как своему собственному ребенку. Отец и мать не чувствуют страха перед своим ребенком; о них нельзя сказать, чтобы они имели к нему какое-либо почтение. Они и не подумают просить от ребенка какой-нибудь милости. Положение ребенка относительно своих родителей всегда положение получающего, и из любви к ребенку родители сто раз пожертвуют своими телами, тысячу жизней отдадут для него. Поэтому и Бога любят как ребенка. Эта идея о любви к Богу как к ребенку является и естественно растет у тех религиозных сект, которые верят в воплощение Бога. Для магометан невозможно понятие о Боге как о ребенке, они отбросят его с ужасом; но христианин и индус легко могут понять ее; у них ведь есть младенец Иисус и младенец Кришна. Женщины в Индии часто смотрят на себя как на матерей Кришны. Матерям-христианкам также может прийти мысль, что они матери Христа, и это даст им понятие о Божественном материнстве Бога, в котором Запад так нуждается. Таким образом, суеверие о страхе и почтении к Богу, глубоко укоренившееся в недрах наших сердец, уничтожается силою любви; но иногда требуются долгие годы, чтобы идеи о почтении, благоговении и страхе к Богу и о Его величии и славе совершенно потонули в любви.

Есть еще одно человеческое представление о божественном идеале любви. Оно известно как *мадхура*, или сладость,— самое высокое из всех таких представлений. Оно основано на высочайшем и самом сильном из известных человеку проявлений любви в этом мире. Какая любовь потрясает всю природу человека и проникает во все атомы его существа, делает его сумасшедшим, заставляет забыть свою природу, преображает, делает Богом или демоном? Какая, как не любовь между мужчиной и женщиной? В этом *сладостном* представлении о божественной любви на Бога смотрят как на мужа и Ему поклоняются как мужу. Бхакта говорит: «Мы все, подобно женщинам, зависим от Бога, и в мире нет мужчин, кроме Одного, и этот один — Он, Возлюбленный». Поэтому вся та любовь, которую мужчина дает женщине или женщина мужчине, должна быть отдана Господу; и все разные роды любви, которые мы видим в мире и к которым относимся более или менее легко, имеют один предмет — Бога. К несчастью, человек не знает бесконечного океана, в который постоянно течет эта огромная река любви, и часто безумно пытается направлять ее к маленьким куклам, человеческим существам. Присущая человеческой природе огромная любовь к ребенку только

одна направлена не к кукле ребенка. Если вы тратите ее слепо и исключительно на ребенка, вы будете впоследствии страдать, но от такого страдания последует пробуждение, при котором вы наверно увидите, что ваша любовь, если дается какому-нибудь человеческому существу, приносит в результате страдание и горе. Нашу любовь мы должны поэтому давать Высочайшему Одному, Кто никогда не умирает и никогда не изменяется,— Ему, в океане любви Которого не бывает ни приливов, ни отливов. Любовь должна направляться по верному назначению; она должна идти к тому, Кто истинный, бесконечный океан любви. Как капли воды, стекающие по склону гор, как бы они ни были велики, не могут, после того как образовали ручей или реку, остановить своего течения, но находят как-то путь в океан, совершенно так же и Бог есть один конечный пункт, куда должны наконец прийти все наши чувства и страсти. Поэтому, если вы хотите сердиться, сердитесь на Него — браните Вашего Возлюбленного, браните вашего Друга. Кого другого вы можете бранить безопасно? Смертный человек не станет терпеливо сносить ваш гнев и рано или поздно окажет сопротивление. Если вы рассердитесь на меня, я наверно отвечу вам, так как не в состоянии терпеливо переносить ваш гнев. Поэтому говорите Возлюбленному: «Почему Ты не приходишь ко мне, почему оставляешь меня одного?». И где-же есть какое-либо наслаждение, как не у Него? Какое удовольствие может быть в маленьких комках земли? Кристаллизованную сущность бесконечного наслаждения, которую мы ищем, можно найти только в Боге. Поэтому отдадим наши чувства и страсти Ему. Они предназначены Ему одному, и потому, сбиваясь с пути и идя ниже, становятся порочными. А когда идут прямо к цели, к Господу, то даже самые низкие из них преображаются. Таким образом, вся энергия человеческого тела и ума, как бы она ни выражалась, имеет своею целью, своим *экаяна*, одного Бога; а следовательно, вся любовь и все чувства человеческого сердца должны быть направлены к Богу, к Возлюбленному. Кого это сердце может любить, кроме Него? Кто сама красота, само величие? Кто в этой Вселенной прекраснее, чем Он? Кто может быть лучшим мужем, чем Он? Кто более заслуживает быть любимым, чем Он? Поэтому пусть Он будет мужем, пусть Он будет возлюбленным. И часто случается, что любящий божественною любовью, воспевая эту любовь, считает для описания ее вполне подходящим язык человеческой любви во всех ее видах. Глупцы не понимают и никогда не поймут этого. Они смотрят на это только физическими глазами. Они не понимают безумного трепета этой духовной любви. И как бы они могли понимать ее? «Один только поцелуй Твоих уст, о Возлюбленный! Жажда Тебя у того, кого Ты поцеловал, вечно усиливается; все его горести исчезают, и он забывает все, кроме Тебя»*. Он жаждет поцелуя Возлюбленного, прикосновение уст Которого делает бхакту безумным, делает человека богом! Для того, кто осчастливлен таким поцелуем,

* «Бхагавата, Гопи Гита», песнь X.

вся природа изменяется, мир исчезает, солнце и луна гаснут, и вся Вселенная растворяется в этом бесконечном океане любви. Но настоящий духовно любящий не успокаивается даже на этом. Даже любовь мужа и жены для него недостаточно безумна. Бхакты переходят к идее незаконной любви, потому что она так сильна. Природа этой любви такова, что чем больше она встречает препятствий для свободного пользования ею, тем становится сильнее. Любовь между мужем и женой спокойна, в ней нет препятствий. Поэтому бхакты воображают, что девушка влюблена в мужчину, а так как ее мать или отец препятствуют ее любви, то эта любовь еще больше усиливается. Автор *Шримед Бхаваты* развивал этот род изображения любви, стараясь рассказать любовь Гопи к Кришне, о котором они, вследствие божественного просветления, знали, что он Господь Вселенной. Человеческий язык не в состоянии передать, как Кришна был безумно любим в лесах Вринды, как при звуке Его голоса все вечноблаженные Гопи бросались навстречу Ему, забывая этот мир и все его привязанности, обязанности, радости и печали.

«О человек, ты говоришь о божественной любви и в то же время способен заниматься всею суетою этого мира — искренен ли ты? Где есть Рама, там нет места для каких-либо желаний, а где есть желание, там нет места для Рамы; они никогда совместно не существуют; подобно свету и тьме, никогда не бывают вместе»*.

---

* Тулсидас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда этот высший идеал любви достигнут, философия отбрасывается; кто тогда станет о ней заботиться? Свобода, спасение, *нирвана* — все отошло в сторону, так как кто будет стараться сделаться свободным, наслаждаясь этою божественною любовью? «Господи, я не хочу ни богатства, ни друзей, ни красоты, ни учености, ни даже свободы; пусть я буду рождаться вновь и вновь, и будь Ты вечно моею любовью»*. Да, будь вечно и вечно моею любовью; что мне еще желать? «Кто заботится о том, чтобы быть сахаром, а я хочу наслаждаться им»**,— говорит бхакта. Кто тогда захочет быть свободным и составлять одно с Богом? «Я могу знать, что я — Он, и все-таки хочу быть отдельным и отличным от Него, чтобы быть в состоянии наслаждаться Возлюбленным». Вот что говорит бхакта. Любовь для любви — его высшее наслаждение. Кто не захотел бы быть связанным по рукам и по ногам тысячу раз, чтобы наслаждаться Возлюбленным? Ни один бхакта не заботится ни о чем, кроме любви, кроме того, чтобы любить и быть любимым. Его неземная любовь похожа на прилив, заставляющий речку течь вверх, против обычного течения. Свет называет его безумным. Да, я знал одного такого, каких обыкновенно называют сумасшедшими, и вот что он ответил на это: «Друзья мои, весь мир — огромный дом для умалишенных; одни сходят с ума от влюбленности, другие от жажды известности или славы, те из-за денег, а эти из-за опасения или желания попасть на небо. В этом огромном сумасшедшем доме и я сумасшедший. Вы сходите с ума по деньгам, я схожу по Богу. Вы сумасшедшие — я тоже. Только я думаю, что мое сумасшествие все же гораздо лучше вашего». Любовь настоящего бхакты это бурное сумасшествие, при котором все прочее для него исчезает. Вся Вселенная для него полна любви и только любви. Такою она кажется истинно любящему. Если человек имеет в себе эту любовь, он становится вечно блаженным, вечно счастливым, и это

* Шри Кришна Чайтанья.
** «Рамапрасада».

блаженное безумие божественной любви может навсегда излечить все наши мирские болезни. Мы все начинаем с того, что бываем дуалистами в религии любви. Бог для нас отдельное Существо, и себя мы чувствуем также отдельными существами. Затем является любовь, человек начинает приближаться к Богу, и Бог становится все ближе и ближе к человеку. Человек испытывает в жизни различные привязанности — как привязанность к отцу, матери, сыну, другу, учителю, любовнику — и во все предметы своей привязанности воплощает свой идеал любви, своего Бога. Для него все это становится Богом, и последняя степень его развития в этом направлении достигается, когда он чувствует, что совсем растворился в предмете своего поклонения. Мы начинаем с любви к себе, и ложная претензия нашего маленького «я» делает самую любовь эгоистичною.

Но наконец наступает полное озарение светом, при котором это маленькое «я» становится видимым как одно с Единым Бесконечным. Сам человек в присутствии этого света и любви перерождается; его сердце очищается от всей нечистоты и суетных желаний, которыми он более или менее был полон раньше, и он осуществляет прекрасную и вдохновляющую истину,— что любовь, любящий и любимый на самом деле — одно.

СОДЕРЖАНИЕ

Вивекананда С.

В 411 Бхакти-Йога.— Рига: Виеда, 1991.— 61 с.

Бхакти — это горячая любовь к Богу, которая не может сопровождаться мыслью о каких-либо земных выгодах. Бхакти-Йога — самое естественное и действительное искание Бога, начинающееся, продолжающееся и кончающееся в любви.

Для широкого круга читателей.

Печатается по рижскому изданию. (Написание санскритских терминов и имен по возможности приведено в соответствие со сложившейся традицией русской транслитерации.)

В $\frac{0403000000}{М\ 817(09)-91}$ 91

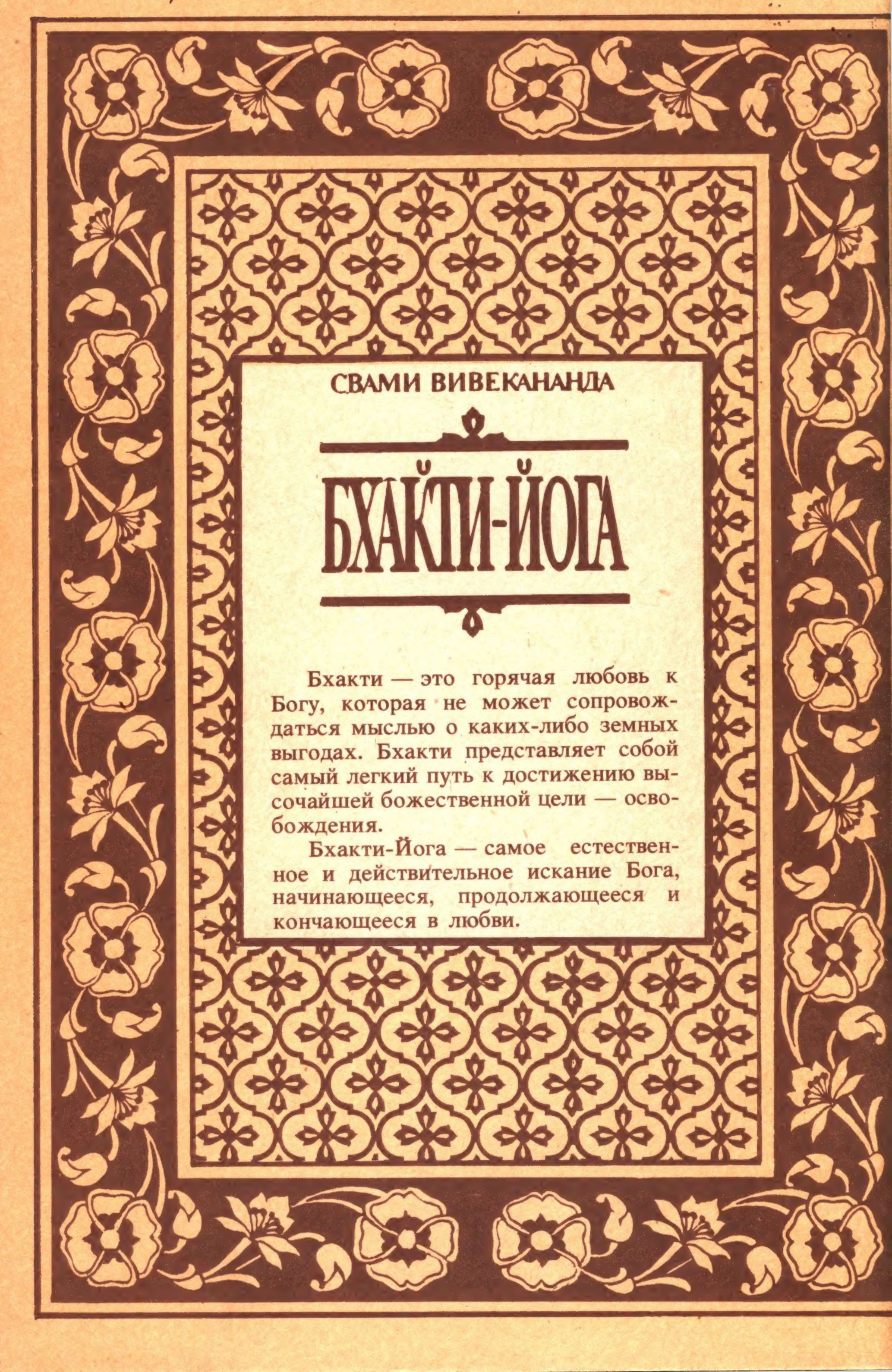
86.39

Свами Вивекананда
БХАКТИ-ЙОГА

Редактор Н. Зорина
Художественный редактор Э. Зариньш
Технический редактор Г. Слепкова
Корректор Е. Данилова

Сдано в набор 30.03.91. Подписано в печать 19.09.91. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. 4 физ. печ. л.; 4 усл. печ. л.; 4,38 усл. кр.-отт.; 3,8 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2895. Цена свободная.

Издательство «Виеда». Регистрационное удостоверение № 2—0001. 226018 Рига, ул. Одесас, 17. Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате, ул. Смольянинова, 1.

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА

БХАКТИ-ЙОГА

Бхакти — это горячая любовь к Богу, которая не может сопровождаться мыслью о каких-либо земных выгодах. Бхакти представляет собой самый легкий путь к достижению высочайшей божественной цели — освобождения.

Бхакти-Йога — самое естественное и действительное искание Бога, начинающееся, продолжающееся и кончающееся в любви.